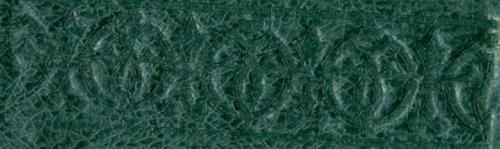

В. Чернов

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЬ“.

Вторая библиотека.

Подъ редак. Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

№ 8.

Викторъ Черновъ.

**Изъ практики
соціалистическаго движенія
въ Венгріи и Італіи.**

МОСКВА.

1905.

Первая библіотека.

№ 1	К. Каутскій. Эрфуртск. программа. (Распродано и готовится 2-е изд.) по 15 к.		
№ 2.	К. Каутскій. Общественныя реформы. (Соціал. реформа и социальная революція.—На другой день послѣ социальной революціи. 2. Приложенія).	Цѣна	20 к
№ 3.	Н. И. Юрданскій. Земскій либерализмъ (Распрод.)	„	20 „
№ 4.	В. Либкнехтъ. Рѣчь (Отъ обороны къ нападенію).	„	10 „
№ 5	Ф. Лассаль. Гласный отвѣтъ центр. комитету.	„	5 „
№ 6.	Ж. Гэдъ. Коллективизмъ.	„	3 „
№ 7.	С. Борггаймъ. Чартистское движеніе въ Англіи.	„	20 „
№ 8.	Изъ исторіи социаль-демократіи въ Германіи.	„	10 „
№ 9.	А. Бебель. Женщина и социализмъ (573 стр.).	„	80 „
№ 10.	А. Бебель. Будущее общество	„	10 „
№ 11.	М-т-ш-а. О всеобщемъ избирательномъ правѣ.	„	3 „
№ 12.	К. Марксъ. Наемный трудъ и капиталъ.	„	5 „
№ 13.	К. Марксъ и Энгельсъ. Капитализмъ и коммунизмъ.	„	3 „
№ 14	А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ.	„	50 „
№ 15.	Право на полный продуктъ труда.	„	30 „
№ 16.	Ф. Лассаль. Принципы труда. (Программа работниковъ).	„	5 „
№ 17.	А. Бебель. Академики и социализмъ.	„	5 „
№ 18.	К. Каутскій. Классовые интересы	„	5 „
№ 19	Либерализмъ и демократизмъ:	„	5 „
№ 20.	М. Н. Коваленскій. Изъ исторіи госуд. власти.	„	25 „
№ 21.	К. Марксъ. 18 ^о Брюмера	„	15 „
№ 22.	К. Каутскій. Республика и социаль-демократія.	„	7 „
№ 23.	В. Браке. Долой социаль-демократовъ!	„	5 „
№ 24.	Исторія «Заговора равныхъ». Излож. Л. Жбанковымъ по Девилю.	„	15 „
№ 25.	Лиссагарэ. Исторія коммуны 1871 г. (печ.).	„	10 „
№ 26.	А. Б. Городское самоуправленіе	„	5 „
№ 27.	Н. Рожковъ. Къ аграрному вопросу	„	5 „
№ 28.	Какъ священникъ сталъ соц.-демократомъ	„	5 „
№ 29.	Н. Чумаковъ. О Новой Зеландіи	„	— „
№ 30.	Швейхель. За свободу. Романъ. (печ.).	„	— „
№ 31.	П. Масловъ. Критика аграр. программъ	„	10 „
№ 32.	А. Бебель. Профессіон. движеніе.	„	5 „
№ 33.	Курскій. Французскій рабочій	„	7 „
№ 34.	Гэдъ и Лафаргъ. Чего хотятъ соц.-демокр.	„	5 „
№ 35.	Л. Бертрамъ. Исторія коопераціи въ Бельгіи (печ.).	„	— „
№ 36.	Д. Курскій. Американскій рабочій.	„	4 „
№ 37.	Ф. Фишеръ. Милитаризмъ.	„	3 „
№ 38.	Ар. К—нъ. Какъ устраивать союзы рабочихъ.	„	3 „
№ 39.	И. Наумовъ. Къ аграрному вопросу.	„	10 „
№ 40.	Экштейнъ. Рабоч. движеніе въ совр. Японіи.	„	— „

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЬ“.

Вторая библиотека.

Подъ редак. Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

№ 8.

БІБЛІОТЕКА
Українського Народного
Робітничого Дому
у ЛЬВОВІ

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое!“

Викторъ Черновъ.

Изъ практики

16.932.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

соціалістическаго движенія

ВЪ ВЕНГРІИ и ИТАЛІИ.

Св. ст. 24, СССР — 1973, т. II

МОСКВА.

1905.

Сп. чиф. укр.
ГЛ СССР №4

Львівська державна
шкільна бібліотека
№ 1431

Изъ практики соціалистическаго движенія.

T3 (425) 52-411

БІБЛІОТЕКА
Українського Народного
Робітничого Дому
У Д Ъ В О В І

Приступаю въ настоящей статьѣ къ характеристикѣ нѣкоторыхъ сторонъ соціалистическаго движенія въ Венгріи и Италіи, я чувствую потребность предварительно выяснить общій смыслъ и значеніе избранной мною темы*). Въ нашей литературѣ какъ-то *непринято* останавливать много вниманія на соціалистическомъ движеніи этихъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, чему у нихъ учиться? Другое дѣло—англійское, нѣмецкое, французское движеніе. У рабочихъ партій этихъ странъ обширный опытъ, строго вырабатанная и выдержанная тактика, богатая и славная исторія, наконецъ, обстоятельная теоретическая обосновка практическихъ требованій и средствъ борьбы. Здѣсь есть что изучать и есть чему учиться. Но рабочее движеніе Италіи, а тѣмъ паче Венгріи? Ему еще только что исполнилось совершеннолѣтіе, оно только недавно встало на собственные ноги и вышло изъ періода младенчества. Казалось естественнымъ, что и литература наша не обращаетъ особенно большого вниманія на соціалистическое движеніе въ этихъ странахъ.

Такое отношеніе однако кажется намъ нѣсколько одностороннимъ и неправильнымъ. Оно можетъ повести и, дѣйствительно, ведетъ къ очень важнымъ ошибкамъ. Общій типъ ошибокъ этого рода превосходно охарактеризованъ Марксомъ въ «Манифестѣ коммунистической партіи». Онъ рѣзко критикуетъ представителей нѣмецкаго «истиннаго соціализма» за то, что они слѣпо копировали тактику французскихъ соціалистовъ, забывая, что вмѣстѣ съ французскими программами они

*) См. примѣчаніе на стр. 59.

не могли перенести въ свою родину и французскихъ экономическихъ условій, которымъ эти программы соответствовали... Намъ важно не только то, какой степени исторической зрѣлости достигло социалистическое движеніе въ данной странѣ; намъ важно и то, какова была его арена, въ какой комбинаціи условій времени и мѣста приходилось ему вырабатываться и опредѣлять свою программу и тактику; насколько эти условія близки къ условіямъ нашего собственнаго движенія или далеки отъ нихъ. И если въ смыслѣ исторической зрѣлости социалистическое движеніе Венгрии и Италіи не представляетъ особеннаго интереса, и потому съ грѣхомъ пополамъ еще можно оправдать третированіе его, какъ малозначащее, то, наоборотъ, обѣ эти страны выдвигаются на первый планъ, если рѣчь пойдетъ о большемъ или меньшемъ сходствѣ условій развитія социализма въ этихъ странахъ сравнительно съ условіями его развитія въ нашей родинѣ.

Наше время есть время международного рынка, международного раздѣленія труда и международной экономической борьбы. Эта высшая «международная» стадія, въ которую все болѣе и болѣе вступаетъ современный буржуазный міръ, представляетъ собою по существу лишь дальнѣйшее расширение, дальнѣйшее развитіе той общей тенденціи, которую обнаружилъ капитализмъ при первомъ же своемъ зарожденіи. Прежде капитализмъ ставилъ во взаимную зависимость различныя отдѣльныя хозяйства внутри страны; теперь онъ ставитъ въ такую же взаимную зависимость между собою цѣлыя страны. Прежде, — несмотря на упорное стремленіе отдѣльныхъ хозяевъ держаться, пока возможно, за натуральное хозяйство, удовлетворяя собственными средствами всѣмъ своимъ потребностямъ, — сквозь это упорное стремленіе пробился желѣзный законъ раздѣленія, дифференцірованія занятій. Нынѣ подобное же раздѣленіе, дифференцірованіе происходитъ и между цѣлыми странами. Несмотря на стремленіе каждой изъ нихъ по возможности

собственными силами удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, производить внутри государства все необходимое для личнаго и производительнаго потребленія и, такимъ образомъ, развиться въ замкнутое, самодовлѣющее хозяйственное цѣлое, обстоятельства оказываются сильнѣе этихъ стремленій: и желѣзный законъ международного раздѣленія труда принуждаетъ отдѣльныя націи отказаться отъ фантома «самобытности» этого рода и взять на себя преимущественно извѣстныя, опредѣленныя функціи при удовлетвореніи потребностей международного рынка. Наконецъ, подобно тому, какъ конкуренція между отдѣльными хозяевами—это исправленное и дополненное изданіе дарвиновской чисто-зоологической «борьбы за существованіе»—фатально вездѣ приводила и приводитъ къ возвышенію немногихъ на счетъ побѣжденнаго большинства, точно такъ же и международная экономическая борьба привела къ раздѣленію странъ на экономически-господствующія и страны-данницы, на цвѣтушія капиталистическія страны и на страны, истощаемыя капитализмомъ. Въ различныхъ странахъ въ разной мѣрѣ опредѣлилось пропорціональное соотношеніе положительныхъ, творческихъ, свѣтлыхъ сторонъ капитализма и отрицательныхъ, разрушительныхъ, темныхъ его сторонъ...

«Одна нація можетъ и должна учиться у другой», сказалъ К. Марксъ. Но само собою разумѣется, что возможность учиться, перенимать, взятая, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи, прямо пропорціональна сходству хозяйственныхъ типовъ странъ и обратно пропорціональна различіямъ между страною-образцомъ и страною-ученицей. А, между тѣмъ, что же мы постоянно видимъ? Почти всегда, когда намъ предлагаютъ учиться примѣромъ другихъ странъ,—какія страны избираются въ качествѣ моделей, образцовъ? Англія, Бельгія, Германія, еще разъ Англія, еще разъ Бельгія, еще, еще и еще разъ Германія, Германія, Германія... Что же касается тѣхъ странъ, которымъ въ системѣ международного раздѣленія тру-

да выпала менѣе видная и блестящая роль, которымъ досталась на долю болѣе сѣренькая и незавидная участь, — какъ тѣ же Венгрія или Италія — такъ въ своихъ познаніяхъ о характерѣ соціалистическаго движенія въ этихъ странахъ громадное большинство революціонеровъ откроетъ огромные пробѣлы. Для иныхъ же соціалистическое движеніе этихъ странъ, пожалуй, и вовсе будетъ какою-то невѣдомой землей. А, вѣдь, между тѣмъ наша родина по типическимъ особенностямъ своего хозяйственнаго развитія до сихъ поръ стояла и стоитъ ближе всего къ этимъ послѣднимъ, обдѣленнымъ капиталистическими благами странамъ, а вовсе не къ первымъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Да то, что, благодаря указанному пробѣлу въ нашихъ познаніяхъ, мы сами себя отрѣзываемъ отъ наиболѣе поучительнаго опыта борьбы, происходящей при наиболѣе аналогичныхъ съ нашими условіяхъ; что мы односторонне прилѣпляемся всѣми своими помышленіями къ опыту, можетъ быть, болѣе яркому и блестящему, но зато недосыгаемо далекому. А, вѣдь, намъ это знакомство нужно вовсе не для платоническаго восхищенія, а для дѣятельнаго утилизованія. Но какъ утилизировать чужой примѣръ, когда самыя обстоятельства дѣятельности, когда самыя условія борьбы почти несоизмѣримы?

Отсюда и множество ошибокъ, въ которыя мы легко впадаемъ при самомъ искреннемъ и усердномъ стремленіи воспользоваться чужимъ опытомъ, позанимствоваться чужимъ умомъ, — ошибокъ, смотрѣть на которыя со стороны, конечно, «было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно»...

Есть, напр., страны, политическое развитіе которыхъ такъ далеко ушло впередъ, что борьба за элементарныя общественныя права для нихъ уже давно почти завершенное дѣло. Въ области политики имъ остается сдѣлать лишь такія завоеванія, что концентрація всѣхъ силъ на нихъ становится все болѣе и болѣе анахронизмомъ. И вотъ въ этихъ передовыхъ

странахъ развивается стремленіе если ужъ не перенести центръ тяжести, то, по крайней мѣрѣ, отдѣлить значительную часть силъ на борьбу чисто экономическую,—на созиданіе профессиональных союзовъ и промышленныхъ коопераций всѣхъ видовъ, словомъ, на организаціи, удовлетворяющія ближайшимъ, непосредственнымъ, повседневымъ запросамъ жизни рабочаго люда. И вотъ, не желая отстать отъ «Европы», и мы начинаемъ «вѣровать въ мощь вспомогательныхъ кассъ», проповѣдывать важное непосредственное значеніе всякихъ легальныхъ организацій, существующихъ съ благосклоннаго разрѣшенія благопечительнаго начальства...

Есть страны, экономическое процвѣтаніе которыхъ создало необычно благоприятныя условія для стачечной борьбы; гдѣ капиталисты, пожиная колоссальные барыши на международномъ рынкѣ, напрягали всѣ усилія на захватъ новыхъ и новыхъ районовъ сбыта; гдѣ ростъ производства и спроса на рабочія руки открывалъ возможность сильнѣйшаго повышенія заработной платы; гдѣ фабриканты болѣе всего нуждались въ безостановочномъ, лихорадочномъ функціонированіи производительной машины и во избѣжаніе ея досадныхъ и убыточныхъ пріостановокъ сравнительно легко соглашались (выражаясь словами Зомбарта объ англійскихъ промышленникахъ) «дѣлиться сыплющимся на нимъ золотымъ дождемъ и со своими рабочими». Въ такихъ странахъ легко развивался узко практическій тредъ-юніонизмъ, и даже передовые рабочіе находили выгоднымъ не мѣшать политики въ дѣло рабочихъ союзовъ, объединять для непосредственной экономической жатвы всѣхъ рабочихъ независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій... И опять мы не захотѣли отстать отъ «Европы»: краткаго и эфемернаго процвѣтанія нѣкоторыхъ отраслей промышленности, временнаго увеличенія спроса на квалифицированныхъ рабочихъ при ихъ недостаткѣ было достаточно, чтобы успѣхъ нѣсколькихъ стачекъ при

этихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ вскружилъ намъ голову. Мы забыли обо всемъ: о сравнительной чухлости нашего доморощенного капитализма, о его трогательной дружбѣ съ русскимъ абсолютизмомъ, о близости промышленнаго кризиса, о нищетѣ массъ населенія, о наплывѣ изъ деревень дешевыхъ рабочихъ рукъ, сбивающихъ заработную плату... Мы все забыли, мы начертали передъ собой въ воображеніи широкую столбовую дорогу чисто экономической борьбы, мы возвели голый, односторонній «стачкизмъ» въ цѣлую всеобъемлющую и всеисчерпывающую политическую программу...

Есть страны, въ которыхъ, благодаря международному раздѣленію труда, имѣетъ мѣсто чуть-чуть не атрофія сельскаго хозяйства и земледѣлія и гипертрофія высшихъ отраслей индустріи. И, рабски копируя ихъ, мы специализировали свою программу на интересахъ одной части трудящагося населенія, именно на интересахъ фабрично-заводскаго пролетаріата. Нѣсколько времени тому назадъ никто бы и не повѣрилъ, что возможно въ Россіи появленіе социалистической программы, которая бы не обмолвилась *ни единымъ словомъ* о политической роли и значеніи многомилліонной трудящейся крестьянской массы. Но таковы факты: «Манифестъ Россійской Соціально-Демократической рабочей партіи» (1898 г.) изданъ какъ будто въ странѣ, гдѣ крестьянство представляетъ такое ничтожное меньшинство населенія, о которомъ не стоитъ и говорить...

Есть, наконецъ, страны, гдѣ расцвѣтъ капитализма способенъ ослѣплять своимъ блескомъ даже лучшія интеллектуальныя силы; гдѣ буржуазія обладаетъ не только экономической, но и политической, и даже интеллектуальной мощью; гдѣ, вдобавокъ, широкая политическая свобода представляетъ большое удовлетвореніе людямъ науки, людямъ мысли, людямъ умственного труда — этому цвѣту націи, на культивированіе котораго уходитъ много лучшихъ соковъ на-

роднаго организма. Въ этихъ странахъ существующій строй можетъ привлекать къ себѣ сердца громаднаго процента интеллигенціи, и требуется большая прозорливость, чтобы разглядѣть сквозь казовую сторону и изнанку цивилизаціи. И, глядя на такія страны, мы забыли, что наша родина представляетъ диаметрально противоположность имъ; что политическій гнетъ и произволъ, отсутствіе элементарныхъ правъ личности, грубѣйшія формы эксплуатаціи, холопскій духъ буржуазіи способны лишь толкать въ протестующій лагерь все честное, все живое, все, обладающее непомятымъ умомъ и не заскорузлымъ сердцемъ. Мы все это забыли, и, чтобы не отстать отъ «Европы», стали твердить, что не можетъ быть добраго изъ Назарета, что преданные интересамъ рабочихъ интеллигенты такъ же рѣдки, какъ бѣлыя вороны, и что поэтому рабочіе должны относиться съ недовѣріемъ ко всему, что идетъ отъ интеллигенціи.

Мнѣ думается, что такихъ прискорбныхъ промаховъ и ошибокъ было бы, можетъ быть, меньше, если бы чаще заглядывали въ лѣтописи соціалистическаго движенія не только такихъ странъ, какъ хотя бы Англія и Германія, но и такихъ, какъ, наприм., Венгрія или Италія... И въ этомъ—смыслъ темы, избранной нами для настоящей статьи...

* * *

По общему складу своей хозяйственной жизни Венгрія во многомъ напоминаетъ Россію. Во-первыхъ, это—страна по преимуществу земледѣльческая; обработка земли (включая сюда лѣсные промыслы) занимаетъ болѣе 62-хъ процентовъ всего населенія. Венгерская индустрія въ общемъ развита весьма слабо (въ различныхъ отрасляхъ собственно такъ называемой промышленности работаетъ немногимъ болѣе 5-и процентовъ населенія) и рассчитана почти исключительно и всецѣло на внутренній рынокъ. Бебель называлъ даже однажды Венгрію «полуварварской стра-

ной». Настоящая, современная капиталистическая промышленность существуетъ въ Венгріи какихъ-нибудь 35—40 дѣтъ. Она пересажена сюда изъ-за границы и даже по личному составу предпринимателей до сихъ поръ является главнымъ образомъ дѣломъ рукъ иностранцевъ. И это несмотря на то, что венгерское правительство стремится всѣми силами создать рядъ «собственныхъ» крупныхъ индустріальныхъ центровъ; несмотря на то, что предпринимательскій капиталъ никогда не встрѣчалъ отказа въ поддержкѣ и покровительствѣ со стороны власти, особенно, если дѣло касалось созданія или введенія въ странѣ какой-нибудь новой отрасли промышленнаго дѣла. Благодаря этому, получился усиленный приливъ въ страну иностранныхъ капиталовъ, преимущественно изъ Австріи и Германіи. Но эти иностранные капиталы устремлялись въ страну, руководимые главнымъ образомъ чисто спекулятивными и коммерческими цѣлями. Чего-либо крупнаго въ области производства они почти что не создали. Полемъ ихъ дѣятельности была главнымъ образомъ столица, гдѣ близость къ правительству съ его щедротами и милостями лучше и проще всего гарантировала успѣхъ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ страны, особенно на границѣ съ Австріей, образовался еще рядъ небольшихъ индустріальныхъ оазисовъ. Вотъ и всѣ результаты усиленныхъ заботъ и хлопотъ.

Само собою разумѣется, что оплачивалъ все это покровительство капиталу изъ своей тощей мощны трудящейся деревенскій людъ. Объединеніе его шло впередъ быстрыми шагами, тѣмъ болѣе, что ликвидацію феодальнаго порядка и крѣпостной зависимости венгерскіе крестьяне оплатили дорогой цѣной—цѣной земельной экспроприаціи ¹⁾. Стѣсненные со всѣхъ сто-

¹⁾ По даннымъ Stat. Monatsschrift въ 1890 г. въ рукахъ 230 ч. сосредоточилось почти четыре милліона іоховъ (іохъ=0,52 дес.), въ среднемъ отъ 8 до 9 тыс. дес. на cadaго; далѣе, около 14¹/₂

ронъ крупными помѣстьями магнатовъ, страдая отъ малоземелья, отъ тяжкихъ арендныхъ условій, отъ задолженности и податного гнета — крестьяне разорялись, массами устремлялись въ города. Но тамъ, вслѣдствіе малаго развитія индустріи, ихъ ждала та же нужда и то же горе.

„Врядъ ли — говорить одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей современнаго венгерскаго рабочаго движенія, Эрнстъ Гарами („Sozialismus in Ungarn“) — врядъ ли въ какой-нибудь другой странѣ такъ плохо оплачиваются рабочія руки и такъ мало защищаются интересы рабочихъ, какъ въ Венгріи. Желаящіе бѣжать отъ деревенской нужды и стремящіеся въ столицу деревенскіе рабочіе, образуя достаточную резервную рабочую армію, только могли удержать на самой низкой ступени заработную плату и общія условія труда“.

Такимъ образомъ, венгерскій капитализмъ развертывалъ, что называется, «во всю» свои темныя, мрачныя стороны, безпрепятственно развивалъ свою разрушительную дѣятельность. Что же касается созидательной стороны, то этимъ обстоило «тихо»... Читая описаніе положенія массъ венгерскаго народа, невольно хочется воскликнуть, вспоминая нашу многострадальную родину: *mutato nomine, de te fabula narratur!* — перемѣни лишь имя, и сказка говорится о тебѣ.

Да и одна ли Венгрія? Положимъ, что Венгрія еще слишкомъ молодая страна, подобно Россіи («тысячелѣтняя моя отроковица») — какъ восклицаетъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ), что она еще вся въ будущемъ. Но вотъ передъ нами старая страна, надъ которой пронеслось болѣе двухъ тысячелѣтій цивилизаціи, — Италія. Въ лицѣ венеціанскихъ и генуэзскихъ купцовъ она еще, можно сказать, въ незапамятныя времена выступила на арену мірового рынка. И что же? Мы видимъ въ Италіи ту же безотрадную картину: капитализмъ развивается, но съ преобладаніемъ отри-

милл. іоховъ было въ рукахъ приблизительно 5,200 влад. (болѣе чѣмъ по 1½ тыс. дес. на cadaго). И въ то же время было болѣе 1½ мил. крестьянскихъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждое владѣло менѣе чѣмъ 2½ дес. земли.

цательныхъ сторонъ надъ положительными, разрушительнаго вліянія надъ созидательнымъ.

«Упадокъ сельскаго хозяйства и образованіе земельного пролетаріата—говоритъ Джіовани Лерда („Der Sozialismus in Italien«)—дали толчекъ къ усиленію промышленной дѣятельности; подъ вліяніемъ этого образовались отдѣльные важные промышленные центры, какъ Миланъ, Туринъ, Венеція и т. п.; но ни до смѣшного низкая заработная плата, ни покровительственныя пошлины не были до сихъ поръ въ состояніи создать дѣйствительное процвѣтаніе индустріи; этому должны были сильно препятствовать, во-первыхъ, недостатокъ капиталовъ и невѣрность ихъ помѣщенія, а во-вторыхъ, заграничная конкуренція и частые кризисы... Италія, вслѣдствіе недостаточнаго экономическаго развитія,—которое отчасти было обусловлено относительной жизненностью старыхъ хозяйственныхъ формъ,—испытываетъ на себѣ лишь отблескъ капиталистическаго развитія другихъ странъ».

При такихъ условіяхъ понятна относительная сила обломковъ стараго феодальнаго строя—крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Съ одной стороны—читаемъ мы у другого итальянскаго социаль-демократа, Олиндо Малагоди («La révolution prolétarienne en Sicile»)—мы имѣемъ всемогущую земельную ренту, властно диктующую свои условія; съ другой—слабый, рахитическій, сильно раздробленный капиталъ, не смѣющій вступить съ представителями земельной ренты въ великую экономическую борьбу и стремящійся наверстать свое самой безсовѣстной эксплуатаціей рабочихъ».

Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться въ приложимости ко всей Италіи той характеристики, которую даетъ собственно хозяйственному положенію Сициліи извѣстный социалистическій писатель Сальвиоли («Le latifundium Sicilien et son mode d'exploitation»): именно, что въ ней

„всѣ пороки и темныя стороны капитализма выросли на старомъ феодальномъ стволѣ и заставили народъ—въ особенности же крестьянство—выносить на себѣ гнетъ разомъ обоихъ этихъ режимовъ“. „Приходится заключить.—пишетъ другой авторъ*)—что, быть можетъ, нѣтъ другой такой страны въ Европѣ, гдѣ бы были болѣе очевидны и болѣе глубоки всѣ тѣ бѣдствія, которыя

*) Nap. Calajanni „La question agraire en Sicile“. Ср. его же книгу: „In Sicilia. Gli avvinimenti e le cose“ (Roma, 1894).

являются элементами обостренного социального вопроса. Въ Италіи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было проявляются самыя сложныя угрожающія проблемы преступности, проституціи, эмиграціи, пауперизма, невѣжества, физической деградации расы и огромной смертности“...

Почтенный авторъ, повидимому, не знаетъ Россіи или забываетъ о ней... Иначе онъ не сказалъ бы своего «болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было»...

Но, быть можетъ, всѣ эти бѣдствія суть явленія временныя и преходящія? Можетъ быть, они — лишь неизбѣжныя принадлежности первоначальныхъ ступеней развитія капитализма; и потому имъ суждено отходить въ вѣчность по мѣрѣ того, какъ итальянскій капитализмъ будетъ подниматься по дальнѣйшимъ восходящимъ ступенямъ своей неизбѣжной, опредѣленной «имманентными законами» эволюціи.

Увы! если *спрятаться* отъ дѣйствительности хотя бы подъ сѣнь самыхъ радужныхъ пророчествъ относительно будущаго нетрудно, то *уйти* отъ дѣйствительности нельзя... Тамъ, гдѣ теоретики социализма не теряютъ ни на минуту живой связи съ практической работой, съ непосредственной жизнью, съ той лабораторіей, въ которой творится исторія, — тамъ дѣйствительность ежечасно и ежеминутно напоминаетъ о себѣ; тамъ трудно удовлетвориться ролью страуса, прячущаго голову подъ крыло и наивно воображающаго себя въ безопасности; тамъ съ непреодолимой силой пробиваетъ себѣ дорогу трезвое отношеніе къ дѣйствительности. Вотъ почему вмѣсто розовыхъ надеждъ на будущія перемѣны наши авторы болѣе склонны разсматривать неблагопріятное соотношеніе положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ капитализма, какъ типичную черту всего цикла хозяйственной эволюціи Венгріи и Италіи, какъ принадлежность не той или другой *ступени* ихъ экономическаго развитія, а самого *типа* этого развитія.

Вотъ что говорить, напримѣръ, объ Италіи сторонній наблюдатель, германскій марксистъ Поль Эрнстъ («Soziales aus Italien» въ сборн. «Das neue Jahrhundert»):

„Нищета сельскаго населенія всегда является спутникомъ капитализма въ періодъ его юности. Если бы индустрія испытывала сильный подъемъ, то можно было бы думать, что это—явленіе преходящее, и что съ подъемомъ промышленной жизни наступятъ и для страны лучшія времена. Но не такъ обстоитъ дѣло съ Италіей. Въ сущности, мы встрѣчаемъ въ ея промышленности застой... Частью она этимъ обязана своему историческому положенію, тому, что слишкомъ поздно (?) выступила на всемірный рынокъ и не обладаетъ такими преимуществами, благодаря которымъ она могла бы отбить у другихъ странъ ихъ кліентовъ. Что же касается внутренняго рынка, то здѣсь повсюду ей ставятъ препятствія бѣдность народа“.

Теоретикамъ «самодовлѣющаго капитализма», съ точки зрѣнія которыхъ капитализмъ ни въ какихъ внѣшнихъ рынкахъ не нуждается, ибо самъ своимъ развитіемъ создаетъ себѣ рынокъ и, такъ сказать, можетъ питаться собственными соками,—этимъ теоретикамъ, конечно, должны показаться странными эти слова П. Эрнста, марксиста, и въ то же время разсуждающаго о внѣшнемъ рынкѣ, какъ «народникъ». Имъ я напомнимъ лишь слова К. Маркса.

„Индустріальная буржуазія можетъ господствовать только тамъ, гдѣ современная индустрія преобразовала соотвѣтственно своимъ потребностямъ всѣ отношенія собственности; эту силу индустрія можетъ приобрести только тамъ, гдѣ она завоевала всемірный рынокъ, ибо національныя границы для ея развитія недостаточны“.

Итакъ, въ Италіи, какъ и въ Венгріи, мы замѣчаемъ усиленное развитіе самыхъ рѣзкихъ формъ капиталистической эксплуатаціи при минимальномъ развитіи тѣхъ вліяній капитализма, которыя входятъ въ составъ понятія объ «исполненіи капитализмомъ его исторической миссіи» — подготовленія соціалистическаго строя. Въ связи съ этимъ находится и сила остатковъ феодально-помѣщичьяго строя, такъ что про Италію можно сказать почти съ тѣмъ же правомъ, какъ и про Венгрію, что въ ней

„господствующимъ классомъ является не столько буржуазія, сколько представители крупнаго землевладѣнія“ (Neue Zeit, 1897-98, № 22).

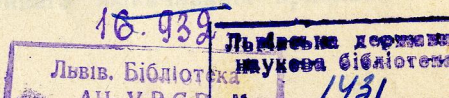
И тамъ, и здѣсь буржуазія ретива лишь въ исканіи протекціонныхъ мѣропріятій, неохотно выступаетъ

въ качествѣ борющейся силы противъ феодально-бюрократическихъ началъ и довольствуется по большей части тѣмъ, что, прислуживаясь къ высшимъ, спѣшить наквитать свое на низшихъ усиленной ихъ эксплуатаціей, усиленнымъ на нихъ давленіемъ.

Все это, какъ мы видимъ, до поразительности напоминаетъ нашу родную «русскую дѣйствительность»... У насъ только все это происходитъ въ еще болѣе откровенномъ и неприкрашенномъ видѣ.

Я не знаю лучшей иллюстраціи для характеристики русскаго капитализма и русской буржуазіи, какъ та оргія, которой предавалось «всероссійское купечество» во время торгово-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда ярмарочные тузы и биржевой комитетъ (съ неизмѣннымъ Саввой Морозовымъ во главѣ) справляли именины своего сердца и своего кармана, принимали сановныхъ гостей, произносили торжественныя, ликующе-побѣдныя рѣчи, послужившія М. Горькому образцомъ для тѣхъ гимновъ русской буржуазіи, которыя онъ вкладываетъ въ уста одного изъ героев романа «Ома Гордѣевъ» во время пирушки «именитыхъ гражданъ». Помните ли, какъ нашумѣла тогда одна изъ нижегородскихъ газетъ инспирированной тѣмъ же биржевымъ комитетомъ статьей, перечислявшей всѣ чудеса, которыя уже подарило нашей родинѣ «всероссійское купечество» и въ заключеніе восклицавшей въ самозабвеніи, что оно «все можетъ»! Въ этомъ восклицаніи олицетворяется для меня все, такъ сказать, духовное нутро нашей отечественной буржуазіи. Это восклицаніе невольно вызываетъ въ памяти другую, аналогичную фразу другого выразителя чувствъ и чаяній буржуазіи, французскаго аббата Сійеса: «что такое сейчасъ третье сословіе? — Ничто. — Чѣмъ оно должно быть?—*всѣмъ*».

Какъ похожи и какъ, въ то же самое время, глубоко непохожи другъ на друга двѣ эти формулы! Какихъ два различныхъ типа невольно вызываютъ они въ воображеніи! И удивительно ли? Одна изъ этихъ

формуль—вѣдь это почти нечленораздѣльный звукъ, удовлетворенное урчаніе въ глубинѣ сытаго желудка самодовольнаго «буржуя»; другая... другая есть формула надвигавшейся революціи, требованіе самаго коренного переворота всѣхъ общественныхъ отношеній. Одна выражаетъ чувства буржуазіи, *приспособившейся* къ полу-дворянскому, полу-бюрократическому абсолютизму, другая — чувства буржуазіи, сознающей свою силу, свою способность двигать горами, управлять народомъ и государствомъ, вести за собою массы и не приспособляться, а приспособлять. Въ то самое время, какъ свободолюбивый французскій буржуа понималъ, что, только разрушивъ до основанія феодально-самодержавный порядокъ, онъ сдѣлается «всѣмъ», русскій, преданный «Богъ-престоль-атечеству» буржуй мирно поглядываетъ на задніе ходы и выходы канцелярій, департаментовъ и министерствъ, гдѣ сидитъ уже такъ много «своихъ людей», выходцевъ изъ той же среды, юркихъ дѣльцовъ и воротилъ, — и, хлопывая себя по туго набитому карману, самодовольно восклицаетъ: «вотъ она, мошна-матушка! Все можетъ»!..

Правда, у насъ есть немало людей, полагающихъ, что если на «Западѣ», въ «Европѣ» буржуазія была свободолюбивой и либеральной, то современемъ и у насъ буржуазія «должна» преобразиться въ этомъ смыслѣ. Г. Плехановъ въ началѣ 90-хъ гг. даже печатно заявилъ, что какъ ни смѣшны, какъ ни грубы російскіе Деруновы и Колупаевы, однако они несомнѣнно будутъ имѣть свой «періодъ бурныхъ стремленій *). Это пророчество впервые было высказано имъ, впрочемъ, еще въ началѣ 80-хъ гг. и по сіе вре-

*) Иронія исторіи: около того же времени совѣщаніе Московскихъ фабрикантовъ, приглашенное правительствомъ высказаться о своихъ потребностяхъ и нуждахъ, выставило въ первую голову... отмѣну запрещенія спускать въ Москву-рѣку отбросы и нечистоты съ фабрикъ. Поистинѣ, «бурное стремленіе» загадать и засорить все кругомъ себя!

мя благополучно ждетъ своего осуществленія. При всѣхъ подобныхъ пророчествахъ забываютъ, что эти аналогіи съ «Европой» вѣчно грѣшатъ однимъ и тѣмъ же. Люди забываютъ, что есть Европа и Европа, что буржуазія Венгріи и Италіи уже не та, что буржуазія Англіи и Франціи; что степень либерализма буржуазіи вовсе не есть какое-то мистическое свойство, въ опредѣленной дозѣ «внутренно-присущее» буржуазіи, какъ таковой: что степень ея либерализма (или ея реакціонности) есть явленіе производнаго, вторичнаго характера, зависитъ отъ цѣлаго ряда условій времени и мѣста, а потому и мѣняется не только отъ страны къ странѣ, но отъ одной исторической эпохи къ другой. И если бы наши охотники строить аналогіи и пророчества на будущее не забывали этого, то они увидѣли бы, что въ связи съ нѣкоторыми особенностями экономическаго развитія обликъ буржуазіи послѣдовательно мѣняется къ худшему, начиная отъ Англіи и Франціи и переходя черезъ Германію и Австрію къ Венгріи и Италіи, а далѣе къ Россіи, которая въ этомъ отношеніи является достойнымъ «увѣнчаніемъ зданія»; что, независимо отъ этихъ мѣстныхъ особенностей, и въ общемъ настроеніи всеевропейской буржуазіи совершается замѣтная эволюція вправо. А потому они поняли бы, что именно теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, можно ожидать въ такой странѣ, какъ Россія, эволюціи Колупаевыхъ и Разуваевыхъ въ сторону «бурныхъ стремленій».

Если наша буржуазія превосходно себя чувствуетъ подъ теплымъ крылышкомъ абсолютизма, оберегающаго ее отъ всякихъ серьезныхъ покушеній со стороны рабочаго класса; если ради всевозможныхъ протекціонныхъ мѣръ, субсидій, воспособленій, премій, нормировокъ, гарантій, ввозныхъ пошлинъ и т. п., она готова мириться съ привилегированнымъ положеніемъ дворянства; если въ наличности твердой самодержавной власти она видитъ лучшее ручательство свободнаго и безпрепятственнаго выкачиванія прибавоч-

ной стоимости изъ трудящихся,—то въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго для того, чей приговоръ не ограничивается исторіей такъ называемыхъ «классическихъ» странъ капитализма. Правда, Венгрія и Италія—страны конституціонныя. Но достаточно вспомнить, какія мѣры были приняты во время разгара соціалистическаго движенія въ Сициліи противъ тамошнихъ *fasci*, союзовъ рабочихъ и крестьянъ, чтобы выяснилось, до какой степени урѣзано пользованіе этими конституціонными гарантіями, какъ неконституціонно можно поступать при этой конституціи съ рабочимъ людомъ, до какой степени въ такихъ случаяхъ просто и легко превращается эта конституція въ негодный листъ бумаги. Едва ли не еще разительнѣе примѣръ Венгріи. Въ этой «конституціонной» странѣ не только рабочіе и крестьяне отстранены отъ контроля надъ государственными дѣлами: въ ней крестьяне не имѣютъ даже права коалицій; ихъ союзы распускаются, собранія разгоняются; за стачки ихъ наказываютъ, ихъ газеты систематически конфискують; проводятъ чисто крѣпостническіе законы о наймѣ на сельскія работы, законы, какъ двѣ капли воды похожіе на наши отечественные проекты сгибанія батраковъ въ бараній рогъ, въ родѣ такъ нашумѣвшаго въ свое время проекта саратовскаго предводителя дворянства г. Кривскаго. Нѣчто аналогичное этому можно найти развѣ только въ иныхъ балканскихъ государствахъ, гдѣ либерализмъ бумажныхъ конституцій самъ по себѣ, а фактическое самодержавіе многоголовой бюрократической гидры само по себѣ. Этотъ порядокъ по существу дѣла вовсе ужъ не такъ далекъ отъ нашего русскаго режима, гдѣ буржуазія, собственно говоря, давно имѣетъ свою «неписанную конституцію». При всей гибкости и приспособляемости чисто бумажныхъ конституцій къ интересамъ сильныхъ міра, ненаписанная конституція все-таки еще удобнѣе для процвѣтанія гнета и эксплуатаціи.

*
* *

Переходимъ теперь къ характеристикѣ рабочаго движенія названныхъ странъ, при чемъ предоставимъ слово—во избѣжаніе всякихъ упрековъ въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу — самимъ дѣателямъ соціалъ-демократическаго лагеря.

„Вплоть до самаго недавняго времени—говоритъ Э. Гарами въ уже цитированной выше статьѣ—въ Венгріи можно было говорить о соціалъдемократическомъ движеніи только среди однихъ индустріальныхъ рабочихъ. Поэтому движеніе ограничилось почти исключительно полемъ крупной индустріи Будапешта и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городов“.

Идеи соціализма были занесены сюда, какъ и сама индустрія, изъ-за границы, вмѣстѣ съ нѣмецкими рабочими. Поэтому соціалъдемократическая доктрина—особенно первое время — процвѣтала въ Венгріи въ ея чистой нѣмецкой формѣ, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. Лишь въпослѣдствіи начался трудный и медленный процессъ ея переработки примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, процессъ, еще далеко не закончившійся и по настоящее время. Венгерскій пролетаріатъ представлялъ благодарную почву для распространенія идей соціализма, какъ можно видѣть изъ предыдущаго; вся обстановка его жизни естественно вызывала недовольство своимъ положеніемъ и оппозиціонное настроеніе.

„И, такимъ образомъ, уже въ теченіе многихъ лѣтъ въ Будапештѣ и нѣкоторыхъ другихъ индустріальныхъ оазисахъ возникло относительно сильное соціалъдемократическое движеніе. Но уже въ силу одной этой замкнутости въ ограниченныхъ мѣстныхъ рамкахъ оно не могло пріобрѣсти большее значеніе. Благодаря безобразному избирательному праву и такому же законодательству о печати и союзахъ, у рабочаго класса была отнята возможность выступить въ единомъ великомъ, охватывающемъ всю страну движеніи. Кромѣ того, этотъ рабочій классъ почти не имѣлъ никакого соприкосновенія съ остальной страной: отсутствовало прочное и широкое основаніе, на которомъ можно было бы утвердить рычагъ для болѣе крупныхъ дѣйствій“... „При относительно еще слабомъ индустріальномъ рабочемъ движеніи — пишетъ другой правовѣрно марксистскій авторъ статьи „Von der Bauernbewegung in Ungarn“ въ „Neue Zeit“ — здѣсь ни съ чьей стороны не мо-

гли бы принять въ серьезъ хотя бы, напримѣръ, попытку итти путемъ, выбраннымъ бельгійцами — генеральную стачку для завоеванія всеобщаго избирательнаго права, — или же копировать шумное движеніе въ пользу того же всеобщаго избирательнаго права на австрійскій образецъ“.

Этимъ фактомъ и объясняется, что спустя нѣкоторое время такъ много обѣщавшее вначалѣ своимъ быстрымъ ростомъ венгерское рабочее движеніе зашло какъ будто на время въ тупой переулочекъ...

„Такъ и оставалось социалъдемократическое движеніе индустриальныхъ рабочихъ безъ существеннаго значенія, несмотря на благородную, не отступающую предъ жертвами работу многихъ самоотверженныхъ людей, стоявшихъ во главѣ партіи. Нормальное социалъдемократическое движеніе можетъ развиваться и добиться побѣдъ лишь тамъ, гдѣ есть достаточно почвы для его расширенія, его пропагандистской дѣятельности, гдѣ есть достаточно широкое поприще для битвъ, но никогда тамъ, гдѣ оно, благодаря господствующимъ въ странѣ условіямъ, изолировано въ нѣкоторой тѣсно ограниченной области. Тамъ у него отнята возможность завоевать для своихъ идей цѣлыя огромныя массы населенія; и если бы даже историческій возрастъ движенія измѣнялся десятилѣтіями, оно вѣчно будетъ ходить въ дѣтскихъ башмакахъ и никогда не исцѣлится отъ болѣзней, свойственныхъ ребяческому возрасту. Такія болѣзни, конечно, присущи всякой партіи при ея возникновеніи; но онѣ скоро исчезаютъ, если налицо имѣется и возможность и способность все къ большому и большому расширенію“.

Гдѣ же этого нѣтъ, тамъ движеніе легко окажется въ застоѣ, а его «дѣтскія болѣзни» примутъ затяжную форму.

„Такъ было и здѣсь. Раздоры и распри, разъединявшіе идейныхъ братьевъ—эти болѣзни дѣтства нашей партіи—съ теченіемъ времени не уменьшались, а все учащались и обострялись. Ихъ слѣдуетъ разсматривать, если можно такъ выразиться, какъ разряженіе накапливающагося недовольства малыми успѣхами партіи. Истинныхъ причинъ недостаточности этихъ успѣховъ не знаютъ и обвиняютъ за нихъ взаимно другъ друга... Такъ истратились понапрасну или оставили борьбу многія лучшія силы“...

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи уже по самой ея величинѣ и многолюдности даже движеніе, замыкающееся въ опредѣленныя тѣсныя рамки, не можетъ такъ быстро попасть въ тупой закоулочекъ, какъ это случилось въ Венгріи. Но если для движенія, взятаго въ

его цѣломъ, и далеко до такого закоулка, то въ отдѣльных мѣстностяхъ дѣло обстоитъ иначе. Такъ какъ въ Россіи крупная промышленность довольно сильно «концентрирована въ опредѣленныхъ районахъ, а не распределена равномерно по всей территоріи, то множество городовъ и округовъ остаются внѣ ея «обобществляющаго» вліянія. Индустріальныхъ рабочихъ въ нихъ крайне мало; для революціонной дѣятельности интеллигентныхъ силъ поприще заранее ограничено: искать точки приложенія силъ внѣ фабричнаго пролетаріата нѣтъ охоты, разъ думаешь, что этотъ пролетаріатъ есть единственный истинно революціонный классъ. И вотъ, для лучшихъ элементовъ изъ интеллигенціи и рабочихъ остается дилемма: или бѣжать туда, гдѣ поприще шире (что далеко не всегда возможно), или, оставаясь на мѣстѣ, въ значительной мѣрѣ вариться въ собственномъ соку. А нѣтъ ничего хуже положенія, при которомъ заранее извѣстно, что рядъ обстоятельствъ, отъ нашей воли независящихъ, кладетъ въ такомъ-то пунктѣ предѣлъ дальнѣйшему развитію дѣла *). Мѣстности, въ которыхъ создается, благодаря этому, «перепроизводство революціонной интеллигенціи» — непріятно поражаютъ своимъ настроеніемъ, нравами, духомъ... Покойный Степнякъ прекрасно рисовалъ съ натуры тѣ «веселенькіе пейзажики», которые встрѣчаются на этой почвѣ.

„Въ нѣкоемъ городѣ имѣются два философа, согласные между собою во всемъ, кромѣ какого-нибудь пятого колеса въ революціонной телегѣ. Казалось бы, нѣтъ ничего проще, какъ, убѣдившись въ своей непримиримости, мирно разойтись и либо приняться прямо за дѣло, либо, опоясавъ свои чресла, итти каждому своей дорогой въ страну равнодушныхъ и ослѣпленныхъ, никогда не слыхавшихъ новаго слова, и подготавливать почву, вербуя тамъ

*) Иногда и не только для отдѣльных мѣстъ, а для цѣлаго движенія сравнительно небольшихъ національностей опасенія и боязни этого рода могутъ сильно обостряться. Такъ, напр., многіе мыслящіе евреи революціонеры уже теперь глубоко задумываются надъ вопросомъ: такъ какъ евреи сильно разбросаны повсюду въ

новыя силы, новыхъ сторонниковъ. Но философы предпочитаютъ итти другъ къ другу, и проводятъ они дни, недѣли и мѣсяцы, надсаживаясь въ бесплодныхъ препирательствахъ все о томъ же пятомъ колесѣ, пока полиція не прибѣжитъ на шумъ и не отправитъ ихъ къ якутамъ доканчивать споръ на свѣжемъ воздухѣ. Если же оба философа наберутъ себѣ малую дружину, то идутъ опять же другъ къ другу, и начинается все то же препирательство, то же топтанье на одномъ мѣстѣ, съ неизбежной „выработкой общихъ программъ“, „планами соглашеній“ и всей обычной революціонной волокитой, пока полиція не прикончитъ дѣла на этотъ разъ уже цѣлымъ погромомъ“ *).

А такая практика естественно покровительствуетъ и «византійской страсти къ революціонной догматикѣ», и той «нетерпимости, которая дѣлаетъ для насъ непереноснымъ всякое разногласіе», и благодаря которой люди

„Ухитряются разъединиться до полного отсутствія внутренней связи, подчасъ до неспособности, даже до нежеланія понимать другъ друга **“).

Нѣтъ сомнѣнія, что то «перепроизводство революціонной интеллигенціи», о которой мы говоримъ, нужно понимать съ большой оглядкой. Во-первыхъ, оно обнаруживается далеко не всюду, а лишь мѣстами. Во-вторыхъ, по самому своему существу оно подобно перепроизводству товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ. Фактъ перепроизводства товаровъ нисколько не исключаетъ другого факта, по видимости противорѣчащаго первому, а именно, что потребности значительной части населенія остаются неудовлетворен-

перемежку съ населеніемъ другихъ національностей, и такъ какъ еврейское рабочее движеніе опередило очень сильно движенія этихъ другихъ національностей, то не наступитъ ли въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени такой моментъ, когда еврейское движеніе приблизительно заполнить или почти заполнить свои естественныя границы, и жизнь выдвинетъ мучительный вопросъ: а что же дальше? неужели сидѣть и ждать у моря погоды? Способы рѣшенія этого вопроса различны, но мы по понятнымъ причинамъ не хотимъ выступать въ роли судьи въ этомъ спорѣ.

*) С. Степнякъ. „Чего намъ нужно“. Изд. Фонда В. Р. П., 1892, стр. 13—14.

**) Ibid.

ными. Точно такъ же и фактъ перепроизводства интеллигенціи нисколько не исключаетъ того факта, что «жатва велика, а дѣлателей мало». Все дѣло, стало быть, просто въ узкой постановкѣ дѣла, въ узкомъ фундаментѣ, на которомъ зиждутся—въ первомъ примѣрѣ сбытъ и потребленіе продуктовъ, во второмъ—приложеніе революціонныхъ силъ. Съ одной стороны, цѣлые широкіе слои населенія—напр., крестьянство—остаются внѣ революціоннаго воздѣйствія; съ другой, многое множество революціонныхъ силъ не находитъ дѣятельности, соотвѣтствующей ихъ склонностямъ, ихъ способностямъ или внѣшнимъ условіямъ ихъ личной жизни.

Еще не совсѣмъ прошло то время, когда работа среди фабричныхъ рабочихъ считалась въ кружкахъ единственнымъ революціоннымъ занятіемъ. И въ то же время *всѣхъ* революціонныхъ силъ это занятіе никогда не могло ни поглотить, ни удовлетворить. Въ столицахъ и крупныхъ промышленныхъ центрахъ тяжесть полицейскихъ условій и соображенія конспираціи заставляли ограничивать число лицъ, непосредственно сносящихся съ рабочими, безусловно необходимымъ минимумомъ. Въ провинціи къ этому присоединилась малочисленность рабочихъ. Далѣе, для пропаганды въ рабочей средѣ требуются особыя, специфическія способности. И вотъ, значительное количество интеллигентныхъ силъ вынуждено было искать какихъ-нибудь другихъ способовъ проявлять себя. Оставляя въ сторонѣ тѣхъ, кто тратилъ время на междуфракціонную борьбу, оставляя въ сторонѣ студенческую молодежь, находящую лишь временный исходъ въ организаціи для борьбы за академическую свободу, мы получимъ два пути, каждый изъ которыхъ порознь могъ дать занятіе, конечно, не всей «резервной рабочей арміи» русской революціи, а лишь одной изъ ея главныхъ составныхъ частей. Первый изъ этихъ путей—распространеніе пропагандистской и агитаціонной дѣятельности также и на деревню; понятно, что

онъ имѣть особенное значеніе для провинціальныхъ революціонеровъ. Второй путь—это путь заговора и террора, столь отрицаемыхъ русскими учениками Маркса. Онъ имѣлъ всегда особенное значеніе для революціонеровъ, скопляющихся въ крупныхъ центрахъ. Кромѣ того, первый путь особенно соотвѣтствуетъ склонностямъ и способностямъ натуръ широкихъ, общительныхъ, проповѣдническихъ, охваченныхъ жаждой прозелитизма; второй—склонностямъ и способностямъ натуръ, у которыхъ преобладаетъ личная энергія, сосредоточенность, революціонный пылъ.

Здѣсь не мѣсто, конечно, обсуждать цѣлесообразность и своевременность тѣхъ или иныхъ средствъ борьбы. Мы ограничиваемся въ настоящемъ очеркѣ обсужденіемъ ихъ лишь съ одной спеціальной точки зрѣнія: способности ихъ давать широкое примѣненіе наличнымъ иниціативнымъ силамъ революціи. Параллель съ Венгріей показываетъ намъ, что въ странахъ извѣстнаго хозяйственнаго типа — того типа, классическимъ образомъ котораго является, между прочимъ, и Россія — ограниченіе работы предѣлами индустріальнаго пролетаріата ведетъ къ перепроизводству революціонной интеллигенціи (по крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстахъ), къ растущей неудовлетворенности значительной части дѣятелей, къ усиленію между нами «тренія», переходящаго въ раздоры, расколы и междуфракціонныя распри. Съ этимъ можетъ согласиться всякій, даже и тотъ, кто безусловно отрицательно относится не только къ заговорщицкой и террористической дѣятельности, но и къ работѣ среди крестьянства. Онъ прибавитъ лишь, что это неизбежное зло, что его причина—вовсе не недостатки программъ, а фатальные недостатки самой русской жизни, неизбежные спутники экономической отсталости Россіи, которымъ суждено исчезнуть лишь вмѣстѣ съ [этой отсталостью. Чго же касается самихъ фактовъ, то они налицо, ихъ отрицать трудно. Возьмемъ нѣсколько характерныхъ иллюстрацій изъ социалдемократической

литературы. Обь одномъ видномъ пропагандистѣ среди рабочихъ иваново-вознесенскаго района, А. Ө. Орѣховѣ, намъ писали въ его некрологѣ:

„Послѣднее время А. Ө. былъ особенно мраченъ; онъ часто говорилъ, что работать при современныхъ полицейскихъ условіяхъ крайне трудно, а *ждать, пока эти условія измѣнятся, слишкомъ долго... Воровскими шагами А. Ө. не могъ удовлетвориться: для него энергичнаго, обладающаго здоровьемъ и физическими силами, требовалось широкое поле дѣятельности*“ *). ... О другой подобной же натурѣ—кончившемъ самоубійствомъ Н. В. Ефимовѣ—намъ сообщаютъ: „*Медленное въ его глазахъ развитіе движенія не удовлетворяло его протестующей души, другой формы работы онъ не нашель*“ **).

Какъ это далеко отъ того первоначальнаго розоваго оптимизма, съ которымъ выступилъ на арену борьбы нашъ русскій марксизмъ! Гдѣ та гордость, съ которой онъ противопоставлялъ себя прочимъ фракціямъ, будто бы фатально ведущимъ движеніе путемъ иллюзіи къ разочарованію и пессимизму? Гдѣ та увѣренность, съ которой онъ рекомендовалъ свой путь, свои средства борьбы, какъ единственно гарантирующіе прочные, безостановочные и скорые успѣхи! Нѣтъ, все чаще и чаще слышатся тревожные голоса, высказываются горькія опасенія... Самая высокая нота въ этомъ духѣ прозвучала на страницахъ «Рабочаго дѣла», въ статьѣ В. И.—на:

„Невольнo рождается вопросъ: преодолѣть ли однако русскій рабочій всѣ грозныя силы, которыя противъ него выдвигаются? Не задавить ли въ дѣйствительности правительство наше молодое и неокрѣпшее рабочее движеніе?“ ***)

Чрезмѣрный оптимизмъ всегда влечетъ за собою реакцію въ противоположную сторону. И вотъ почему критика преувеличенныхъ надеждъ на силу *исключительно пролетарскаго* движенія при своеобразныхъ условіяхъ Россіи—критика, исходившая изъ социаль-

*) „Рабочее движеніе въ Ив.-Возн. районѣ“ изд. Союза Р. Соц. Дем., стр. 32.

**) „Изъ раб. движ. въ Одессѣ и Николаевѣ“, стр. 30.

***) „Раб. Дѣло“ № 4—5, стр. 43.

революціоннаго лагерь—была въ высшей степени умѣстна и необходима. Исторія неопровержимо докажетъ это, и предъ ея верховнымъ судомъ померкнутъ всякія вольныя и невольныя инсинуаціи, изъ которыхъ выходило, будто требованіе *трезваго, чуждаго иллюзій* отношенія къ индустріальному пролетаріату, его численности и силѣ, въ сущности, есть не что иное какъ *неуваженіе* къ пролетаріату и «оскорбленіе величества» рабочаго движенія. Но насъ не смущаютъ подобныя обвиненія и мы попрежнему остаемся чужды всякаго идолопоклонства. Попрежнему мы убѣждены, что ни изъ чего не нужно создавать себѣ иллюзій, ибо въ противномъ случаѣ самыя лучшія вещи могутъ оказаться для насъ гибельными. Всякая лишняя иллюзія, всякое лишнее преувеличеніе грозитъ намъ лишнимъ разочарованіемъ. А тяжелыя условія нашей борьбы, настолько тяжелыя, что подобныхъ имъ трудно подыскать въ исторіи, сулятъ намъ въ будущемъ слишкомъ много всякихъ ударовъ для того, чтобы мы сами подбавляли ихъ себѣ своимъ оптимистическимъ подкрашиваніемъ реальной дѣйствительности.

Кромѣ того, каждая неоправдавшаяся надежда, какъ опять-таки превосходно доказываетъ примѣръ Венгріи, стихійно вызываетъ вмѣстѣ съ неудовлетворенностью и раздоры... Разъ движеніе не идетъ впередъ такъ быстро, какъ на это надѣялись,—очевидно, была сдѣлана какая-то ошибка... И вотъ, авторъ брошюры «Объ агитаціи» приходитъ первый къ заключенію,

„что первые шаги русскихъ социалистовъ были невѣрны, и что въ интересахъ дѣла тактика ихъ должна быть измѣнена“.

Ошибка, по его мнѣнію, состояла въ перевѣсѣ пропаганды надъ агитаціей, и социаль-демократы должны больше выдвинуть впередъ послѣднюю,

Что касается газеты «Искра», такъ она въ своемъ

„чтобы не рисковать въ концѣ своего пути остаться столь же безсильными, какъ и въ началѣ“ *).

*) „Объ агитаціи“. Изд. Союза Р. Соц. Дем., 1896, стр. 3.

первомъ же номерѣ находить, напротивъ, что социаль-демократія не смогла удержаться отъ крайностей въ переходѣ отъ пропаганды къ агитаціи, а «Заря» доказываетъ, что именно авторъ брошюры «Объ агитаціи» пересаливаетъ въ смыслѣ оттиранія на второй планъ пропаганды. Авторы «Рабочей мысли», «Credo» и т. п. находятъ, что неуспѣхъ зависитъ отъ того, что революціонеры слишкомъ пересаливаютъ въ «политикѣ» и пренебрегаютъ «экономикой». Группа Осв. Труда съ своей стороны вилить все зло въ «экономизмѣ». По мнѣнію же «Рабочаго Дѣла» обѣ стороны пересаливаютъ и вредятъ этими пересолами рабочему движенію, вѣренъ же только средній путь...

Все это—проявленія внутренняго броженія, но мы надѣмся, что изъ него, въ концѣ концовъ, выбродится чистое вино. Уже и теперь замѣтно, что почти всѣ фракціи видятъ выходъ изъ современнаго печальнаго положенія, съ одной стороны, въ дальнѣйшемъ расширеніи русла движенія (въ частности, почти всѣ начинаютъ признавать въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ возможность и своевременность работы въ деревнѣ), а съ другой стороны — въ усиленіи *интенсивности* движенія, въ примѣненіи болѣе рѣшительныхъ, болѣе революціонныхъ пріемовъ борьбы.

И примѣръ Венгріи, какъ нельзя болѣе, способенъ служить дальнѣйшимъ стимуломъ въ этомъ направленіи. Послушаемъ опять Гарами.

„Въ то время, какъ положеніе дѣлъ въ столицѣ было до такой степени неутѣшительнымъ, въ деревнѣ подготавливалась почва для большого социалъдемократическаго движенія сельскихъ работниковъ... Товарищи изъ столицы немного заботились о провинціи; кажется, они тоже не ожидали многого отъ „антиколлективистскаго крестьянскаго черепа“. О планомѣрной агитаціи въ деревнѣ не могло быть и рѣчи. Нашими агитаторами—агитаторами противъ собственной воли—явились правительство и помѣщики“.

Какъ видимъ, все такъ же, какъ въ Россіи... Аналогія еще дополняется тѣмъ, что притѣсненія помѣщиковъ вызвали цѣлый рядъ аграрныхъ волненій, беспорядковъ, усмиреній, число которыхъ росло и рос-

ло; что появились первые крестьянские союзы; что венгерское правительство разослало властям секретный циркуляръ, во многомъ подобный циркуляру нашего министерства внутреннихъ дѣлъ, извѣстному подъ именемъ циркуляра «о мужицкомъ самоуправленіи»...

Къ чему же привело все это? Да къ тому, что движеніе, сначала носившее мѣстный характеръ, все разрасталось, ширилось, и, наконецъ, отдѣльныя струйки его слились въ одно широко захватывающее теченіе.

„Естественно, что при такихъ условіяхъ идеи социализма, какимъ бы то ни было способомъ попадая въ среду сельскихъ работниковъ, играли роль искры, брошенной въ порохъ. Съ одушевленіемъ хватались за нихъ сельскіе работники; вскорѣ большая часть ихъ *) была выиграна для социал-демократіи. Это проникновеніе социал-демократическихъ идей въ деревню совершилось совсѣмъ незамѣтно, втиши. Хотя и замѣчали общее броженіе и недовольство, но не думали, что движеніе сдѣлалось столь опредѣленно социалистическимъ. Даже товарищи изъ столицы были поражены, когда социалистическій характеръ движенія выступилъ на свѣтъ Божій по случаю открытаго возмущенія, спровоцированнаго согласно предписанію сверху, властями... Передъ нами неожиданно появились крестьяне, которые не только высказывали социалистическія идеи, но и дѣйствительно проводили ихъ въ жизнь. При послѣдовавшемъ за возмущеніемъ процессѣ всѣ были изумлены при видѣ того, въ какой ясности и чистотѣ вѣдрили взгляды современнаго социализма въ „антиколлективистскій крестьянскій черепъ“.

Жизнь, какъ это часто случается, застала врасплохъ кабинетную доктрину. Но къ чести венгерскихъ социалистовъ нужно сказать, что они вскорѣ вняли голосу дѣйствительности.

„Скоро было замѣчено—говорить Гарамі—что, по мѣрѣ того, какъ завоевывалась деревня, открывалась и возможность для крупныхъ успѣховъ всего движенія, и вскорѣ началась планомѣрная агитація въ деревнѣ съ цѣлью использовать въ интересахъ нашей партіи всеобщее недовольство».

Въ самомъ дѣлѣ, съ расширеніемъ движенія возросла и его интенсивность, его революціонность. Админи-

*) Конечно, самая разница въ территоріальной величинѣ Венгріи и Россіи въ этомъ отношеніи представляла обстоятельство, болѣе благоприятное для первой.

стративныя мѣры вынудили крестьянъ мѣстами — къ столкновеніямъ съ войскомъ, мѣстами — къ замѣнѣ явныхъ организацій тайными. Идея всеобщей стачки для завоеванія политическихъ правъ, прежде столь химеричная, получила новую силу и новые шансы, но въ то же время приобрѣла и новую форму: цѣлый рядъ соціаль-демократическихъ крестьянскихъ конгрессовъ рѣшилъ, что забастовка сельскихъ рабочихъ въ разгарѣ страдной поры будетъ самымъ чувствительнымъ ударомъ для дворянства, имѣющаго едва ли не наиболѣе сильное вліяніе на законодательство. Наконецъ, съ расширеніемъ работы среди крестьянства деревня мало-по-малу перестаетъ быть поставщицей «штрейкбрехеровъ», оборванныхъ и голодныхъ бѣдняковъ, готовыхъ работать за мѣдные гроши и сбивающихъ заработную плату организованныхъ рабочихъ. Напротивъ, въ послѣднее время Будапештъ могъ сдѣлаться ареной крупныхъ уличныхъ демонстрацій безработныхъ, требовавшихъ всеобщаго избирательнаго права и работы...

Въ этомъ отношеніи согласны даже всѣ корреспонденты ортодоксально-марксистскаго «Neue Zeit», редактируемаго К. Каутскимъ *).

«Болѣе двухъ десятилѣтій—пишетъ одинъ изъ нихъ—соціаль-демократія въ Венгріи была похожа на слабое, тепличное растеніе; если же она въ самое послѣднее время, наконецъ, начинаетъ развиваться сильнѣе, и, въ качествѣ представительницы рабочаго

*) См. «Die Feldarbeiterbewegung in Ungarn» N. Z. 1893—94. № 33. — Paul Engelmann, «Zwei sozialdemokratischen Bauern - Kongresse», N. Z., 1896—97. № 26.—ae—, «Von der Bauernbewegung in Ungarn», N. Z., 1897—98, № 22. Мы не можемъ здѣсь подробно остановиться на средствахъ аграрной борьбы въ Венгріи. Скажемъ лишь вкратцѣ, что центръ тяжести повседневной борьбы для батраковъ лежалъ, конечно, въ стачечномъ движеніи, а для самостоятельныхъ крестьянъ—въ коммунальной борьбѣ. Въ настоящее время управленіе многими сельскими общинами находится въ рукахъ социалистовъ. Надо полагать, что ихъ работа внесетъ немало новаго и цѣннаго въ теорію и практику движенія, получившаго имя «Gemeinde-Sozialismus» (коммунальный, общинный социализмъ).

класса, приобретаетъ шансы вскорѣ занять ту же позицію въ политической жизни страны, которую занимаютъ родственныя партіи въ западныхъ странахъ,—то этимъ она въ немалой степени обязана быстро крѣпнущему крестьянскому движенію. Другой, не менѣ ревностный марксистъ, Пауль Энгельманъ, рѣшается по этому поводу даже на самыя широкія обобщенія и пророчества. «Революціонизированье индустріальнаго пролетаріата—говорить онъ—приняло направленіе своего пути отъ запада къ востоку. Крестьянско-соціалистическое движеніе Венгріи даетъ намъ право надѣяться, что революціонизированье сельскохозяйственнаго пролетаріата откроетъ свое шествіе съ противоположной стороны—съ востока на западъ. И эти два пылающіе факела,—брошенные съ двухъ противоположныхъ сторонъ — уничтожатъ, сотрутъ съ лица земли всю систему эксплуатаціи человѣка человѣкомъ!»

Однако, въ виду новаго направленія практической дѣятельности потребовалось сдѣлать кое-какія перестройки и въ доктринѣ. Вопреки ходячимъ марксистскимъ взглядамъ о реакціонности крестьянства, стремящагося «поворотить назадъ колесо исторіи», объ «идіотизмѣ деревни» и т. п.; вопреки подхваченному у Шеффле словечку объ «антиколлективистскомъ крестьянскомъ черепѣ»; вопреки, наконецъ, столь же знаменитому положенію Лассалю о реакціонномъ характерѣ даже такого явленія, какъ крестьянскія войны—вопреки всему этому венгерскіе соціалисты въ аграрномъ вопросѣ заняли совершенно иную позицію. Они полагаютъ, что, говоря словами того же Гарамы,

«для каждаго непредубѣжденнаго человѣка должна быть твердо установлена слѣдующая истина: обитатели деревень столь же мало застрахованы отъ соціалистическаго яда, какъ и любой изъ другихъ трудящихся слоевъ человѣчества».

Согласно заявленію на Будапештскомъ партейтагѣ другого виднаго соціаль - демократа, А. Сабо, не вызвавшему среди окружающихъ ничего, кромѣ одобренія,

«ошибаюся всѣ тѣ, кто рассматриваетъ рабочій вопросъ, борьбу неимущихъ противъ имущихъ, какъ что-то новое. Эта борьба такъ же стара, какъ и сама частная собственность. Эта борьба съ теченіемъ времени лишь перемѣняла свои формы. Крестьянскія войны въ XVI вѣкѣ подъ предводительствомъ Донсы, — войны, которыя въ школахъ расписываются, какъ вѣчто ужасное,—были также нечѣмъ инымъ, какъ борьбой тружениковъ противъ знати, угнетенныхъ противъ угнетателей...»

Наконецъ, на томъ же партейтагѣ, получившемъ привѣтственные письма Энгельса, Каутскаго и др., было рѣшено переименовать «венгерскую соціалдемократическую рабочую партію» просто въ «венгерскую соц.-дем. партію», — въ виду того, что терминъ «рабочая» можетъ быть понятъ населеніемъ въ томъ смыслѣ, что партія защищаетъ лишь интересы индустріальнаго пролетаріата.

И этотъ примѣръ Венгріи для насъ глубоко поучителенъ. Я не хочу сказать, что у насъ все пойдетъ такъ, какъ въ Венгріи; нѣтъ, я скептически отношусь ко всякимъ пророчествамъ по аналогичному методу. Для насъ важна *практика* нашихъ венгерскихъ товарищей, а въ ней всего важнѣе тѣ черты, которыя представляютъ результатъ приспособленія вывезенной изъ-за границы программы къ своеобразнымъ условіямъ Венгріи, — къ такимъ своеобразнымъ условіямъ, которыя въ ней общи съ Россіей. И намъ не слѣдуетъ замыкаться въ средѣ фабрично-заводского пролетаріата. Не нужно забывать другихъ слоевъ населенія и — прежде всего — трудовой массы крестьянства. Во многихъ случаяхъ это важно еще и потому, что необходимо дать просторъ пропагандистскому энтузіазму самихъ рабочихъ, указывая (напр., въ провинціи) выходъ ихъ силамъ въ пропагандѣ среди деревенскаго населенія, съ которымъ они сохранили и сохраняютъ живую связь. Не нужно представлять городскимъ рабочимъ ихъ интересы и ихъ дѣло чѣмъ то обособленнымъ и самодовлѣющимъ. Необходимо, напротивъ, подчеркивать для нихъ ждущую ихъ почетную миссію — быть лишь передовымъ отрядомъ всего русскаго трудящагося народа, его авангардомъ, представителемъ и выразителемъ его интересовъ, нуждъ и нарождающихся стремленій. Вотъ чему учить насъ, между прочимъ, примѣръ Венгріи, и вотъ что нами нерѣдко игнорируется благодаря тому, что мы больше всего обращаемъ вниманіе на примѣры передовыхъ странъ, гдѣ гипертрофія индустріи на счетъ зем-

ледѣлія естественно превратила фабрично-заводской пролетаріатъ почти въ единственный и во всякомъ случаѣ въ высшей степени преобладающій элементъ соціалистическаго движенія. Тамъ часть можетъ быть почти безошибочно принимаема за цѣлое, — здѣсь же это можетъ вести лишь къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ.

*
* * *

Обратимся къ обзору нѣкоторыхъ сторонъ соціалистическаго движенія въ Италіи. Первое, что при этомъ бросается въ глаза русскому революціонеру, напоминающая ему исторію революціонной борьбы на его далекой родинѣ — это та роль, которую играла въ движеніи интеллигенція.

Въ этомъ отношеніи интересна та характеристика, которую даетъ итальянскому соціализму (особенно въ первыхъ стадіяхъ его развитія) Джіовани Лерда¹⁾. Лерда — правовѣрный марксистъ. Мы, впрочемъ, намѣренно цитируемъ марксистовъ, чтобы ихъ свидѣтельство было убѣдительнымъ и для нераздѣляющихъ наши мнѣнія. Что же касается до согласныхъ съ нами, то имъ мы рекомендуемъ каждый разъ принимать во вниманіе своеобразную марксистскую призму, сквозь которую у цитируемыхъ авторовъ должны преломляться впечатлѣнія жизни, и дѣлать соотвѣтственную поправку — въ однихъ случаяхъ путемъ вычитанія, въ другихъ — путемъ сложенія. Въ частности, существованія «призмы» не слѣдуетъ забывать, когда рѣчь пойдетъ объ интеллигенціи, ибо преуменьшеніе ея роли, скептическое и чрезмѣрно ироническое къ ней отношеніе есть наслѣдственный грѣхъ весьма и весьма многихъ марксистовъ.

„Соціализмъ — говоритъ Джіовани Лерда про первыя фазы его существованія въ Италіи — имѣлъ совершенно академическій характеръ. Это былъ нѣкотораго рода дилетантизмъ (?!), поглощавшій жертвы самоотверженія и дѣйственной энергіи безъ вся-

¹⁾ „Der Sozialismus in Italien“.

каго или почти безъ всякаго вліянія на массы. Рабочій стоялъ въ сторонѣ, настроенный враждебно или равнодушно, такъ что Италія представляла собой зрѣлище совершенно отличное отъ движенія въ другихъ культурныхъ государствахъ — зрѣлище социалистической рабочей партіи, составленной почти исключительно изъ буржуазныхъ элементовъ“.

Какъ видите, Лерда забылъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ социализмъ также явился на первыхъ порахъ и оставался очень долгое время теченіемъ, составленнымъ «почти исключительно» изъ отщепенцевъ привилегированныхъ классовъ, — что не помѣшало ему организовать въ сильную партію, наполнявшую одно время весь цивилизованный міръ громомъ своихъ подвиговъ. И если бы Лерда объ этомъ вспомнилъ, то онъ, конечно, не преминулъ бы поставить вопросъ: чѣмъ объяснить эту особенность социалистическаго движенія въ Италіи и Россіи? Отъ какихъ глубже лежащихъ особенностей социальнаго строя, общихъ для обѣихъ странъ, зависитъ *эта* особенность? А разъ поставивши этотъ вопросъ, Лерда, конечно, увидѣлъ бы, что если, скажемъ, въ Италіи и Россіи все социалистическое движеніе окрашено значительной ролью, которую въ немъ играла интеллигенція, то въ другихъ странахъ бывали по крайней мѣрѣ отдѣльные моменты прилива и отлива интеллигентныхъ силъ; а кромѣ того, онъ увидѣлъ бы, что, въ общемъ, именно послѣднее время отмѣчено для всѣхъ почти культурныхъ странъ усиленнымъ тяготѣніемъ интеллигентныхъ силъ къ социализму. Это — фактъ, обратившій на себя серьезное вниманіе многихъ социалистическихъ партій. Вопросъ о значеніи такъ называемыхъ *intellectuels* служить уже яблокомъ раздора между различными фракціями социалистической партіи во Франціи; на тему «*Akademiker und Sozialismus*» въ Германіи усиленно препираются на частныхъ и общихъ партейтагахъ. И тамъ, и здѣсь создается цѣлая литература этого вопроса. Отсюда уже можно высказать догадку, что, вѣроятно, современный фазисъ социальной эволюціи Европы начинаетъ обнаруживать тѣ же са-

мая черты, которыя характеризуютъ собою *есть* фазисы, *весь циклъ* соціальной эволюціи Италіи и Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объясняютъ теоретики усиленное отпаденіе интеллектуальныхъ силъ націи отъ знамени буржуазно капиталистическаго режима и притокъ ихъ въ ряды революціоннаго соціализма? Да тѣмъ, что теперь все сильнѣе и сильнѣе развертываются «противорѣчія» капиталистическаго строя; что «историческая миссія» его кончается; что если раньше буржуазно капиталистическая оболочка, подобно скорлупѣ орѣха, содѣйствовала созрѣванію зерна — развивающихся производительныхъ силъ — то теперь она сдавливаетъ его, представляетъ помѣху его дальнѣйшему развитію и потому должна распасться. «Изъ формы развитія производительныхъ силъ капитализмъ становится ихъ узами». Итакъ, если мы развитіе производительныхъ силъ назовемъ *содержаніемъ* хозяйственной эволюціи, а соціальную оболочку — характеръ управленія производствомъ, отношенія собственности и распредѣленія — *формой*, то мы получимъ слѣдующую формулировку вышесказаннаго: когда *форма* хозяйственнаго строя достигала максимума гармоніи съ его *содержаніемъ*, то интеллигенція могла не только за страхъ (и не только за «презрѣнный металлъ»), а и за совѣсть выступать съ апологіей существующаго буржуазнаго строя. Напротивъ, чѣмъ больше нарушается эта гармонія, чѣмъ болѣе форма развивается въ ущербъ содержанію, тѣмъ рѣшительнѣе лучшія интеллигентныя силы устремляются на исканіе новыхъ соціальныхъ формъ *). Но отношеніе между формой и содержаніемъ хозяйственнаго строя есть величина переменѣнная. Переменѣнною величиной является и степень тяготѣнія интеллигенціи къ противоположнымъ принципамъ — индивидуализма и соціализма.

*) Конечно, при всемъ этомъ разсужденіи каждый разъ молчаливо подразумѣвается: *ceteris paribus* (при равенствѣ прочихъ условій).

Какая же гипотеза естественно возникает въ нашемъ умѣ, если мы видимъ двѣ-три страны, въ которыхъ за все время ихъ пріобщенія къ современной буржуазной культурѣ интеллигентныя силы являлись необычайно виднымъ факторомъ соціалистическаго и революціоннаго движенія? Прежде всего естественно предположить, что весь циклъ хозяйственной эволюціи этихъ странъ характеризуется преобладаніемъ *формъ* капиталистической эксплуатаціи надъ *содержаніемъ* протекающаго въ рамкахъ этихъ формъ процесса развитія производительныхъ силъ. Но именно это мы и констатировали для Италіи, Венгріи и Россіи, когда говорили, что въ этихъ странахъ наименѣе благоприятно отношеніе между отрицательными и положительными, разрушающими и созидательными, свѣтлыми и темными сторонами капитализма. Степень тяготѣнія интеллигенціи къ соціализму (опять-таки *сae-teris paribus*) прямо пропорціональна положительнымъ и обратно пропорціональна отрицательнымъ сторонамъ капитализма, или, иными словами, обратно пропорціональна степени гармоніи между формой и содержаніемъ современнаго хозяйственнаго строя.

Такова, кажется мнѣ, формулировка, наиболѣе удовлетворительно охватывающая существенныя общія черты цѣлаго ряда общественныхъ фактовъ. Почти всѣ передовыя капиталистическія страны переживали время, такъ сказать, историческихъ именинъ буржуазіи, когда она, «во цвѣтѣ надежды и силы» выступала, какъ исторически прогрессивный факторъ, богатая не только матеріальными, но и интеллектуальными средствами. Капитализмъ, конечно, всегда истощалъ и разрушалъ старые хозяйственные устои, но рядомъ съ этимъ онъ и созидалъ—созидалъ гораздо болѣе просторное, свѣтлое и красивое общественное зданіе. И чѣмъ болѣе сильна была буржуазія своею творческою ролью, чѣмъ больше зиждилось на возведенномъ ею фундаментѣ благосостояніе цѣлыхъ большихъ слоевъ населенія, — тѣмъ крѣпче, тѣмъ здо-

ровѣ были корни, которые она пускала въ странѣ, тѣмъ независимѣе и могущественнѣе чувствовала она себя, тѣмъ свободолюбивѣе выступала она противъ феодально - монархическихъ привилегій. И рука объ руку съ *либерализмомъ* буржуазіи шла *буржуазность* людей либеральныхъ профессій, тружениковъ интеллигентныхъ ремесель. Расцвѣтъ творческихъ сторонъ капитализма ослѣплялъ интеллигенцію страны и приковывалъ ее къ триумфальной колесницѣ буржуазіи. Люди, не забывавшіе изъ-за блестящаго внѣшняго покровѣ нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій новаго порядка, являлись поистинѣ «бѣлыми воронами». Требовалась особенно высокая нравственная чуткость, особенная умственная сила и проницательность, чтобы плыть «противъ теченія», чтобы отдать свои силы на служеніе рабочему люду, который въ сравненіи съ «носителями цивилизаціи», буржуазными классами, казался представителемъ грубой физической силы, не носившимъ въ себѣ никакихъ задатковъ высшей культуры. И лишь позднѣе миражъ началъ разсѣиваться, обстоятельства складываться иначе, роли перемѣняться.

Иначе дѣло обстоило въ странахъ иной формаціи— странахъ «отсталыхъ», странахъ—данницахъ, странахъ, въ которыхъ развитіе *содержанія* соціальной эволюціи вѣчно отставало отъ развитія ея антагонистическихъ *формъ*. Здѣсь буржуазія выступала въ крайне неприглядномъ видѣ, болѣе всего, какъ самая беззастѣнчивая хищница; созиданіе ею новыхъ источниковъ, новыхъ устоевъ жизни населенія вѣчно отставало отъ подрыванія старыхъ, шедшаго ускореннымъ темпомъ; буржуазія больше отнимала у страны, чѣмъ одаряла ее, сѣя, такимъ образомъ, кругомъ себя глухое, подавленное недовольство. Это лишало ее точки опоры въ другихъ слояхъ населенія и принуждало къ тѣсному союзу съ другими паразитическими общественными элементами, абсолютизмомъ, бюрократіей и даже—по возможности — съ обломками феодальнаго дворянства, какъ ни трудно было миролюбиво раздѣлять съ по-

слѣднимъ правительственныя щедроты. Уже этимъ она была способна оскорбить и оттолкнуть отъ себя даже неособенно изощренное нравственное чувство. Но ея интересы сталкивались съ интересами интеллигенціи и болѣе непосредственнымъ образомъ. Чѣмъ меньше созидающимъ элементомъ являлась буржуазія, тѣмъ меньше нуждалась она въ интеллектѣ, какъ служебномъ орудіи, тѣмъ меньшій спросъ предъявляла она на рынкѣ на умственный трудъ. Съ другой стороны, чѣмъ больше являлась буржуазія силой разрушающей, тѣмъ болѣе сокращала она спросъ на интеллигентный трудъ со стороны некапиталистическихъ слоевъ общества, — чему иллюстраціи мы еще увидимъ ниже. Наконецъ, слѣдуетъ учесть еще одно важное условіе: передъ интеллигенціей странъ, позднѣе приобщившихся къ буржуазной цивилизаціи, стоялъ всегда уже готовый опытъ передовыхъ странъ, готовая критика ихъ внутреннихъ, скрытыхъ, но тѣмъ болѣе опасныхъ болѣзней и язвъ. Немудрено, что въ виду всей совокупности этихъ условій интеллигенція странъ такого соціального типа съ самаго начала явилась поставщицей главныхъ кадровъ всевозможныхъ демократическихъ, идеалистическихъ и соціально-революціонныхъ теченій.

Характеристика, которую даетъ Лерда положенію въ Италіи интеллигентнаго пролетаріата, весьма любопытна. Она прекрасно иллюстрируетъ наши общія положенія. Само собою понятно, что развитіе отрицательныхъ сторонъ капитализма на счетъ положительныхъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что количество свободныхъ, незанятыхъ рабочихъ силъ — резервная рабочая армія — растетъ относительно быстрѣе, а обезпеченная работой армія труда — относительно медленнѣе. И это относится не только къ ручному, физическому, но и къ умственному труду. «Крайне многочисленно», по свидѣтельству нашего автора, въ Италіи.

„представленъ также другой видъ пролетаріата, обнаружива-

ющій постоянную тенденцію къ численному возрастанію: это интеллигентный пролетаріатъ. Мелкая буржуазія и мелкіе землевладѣльцы ставятъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы дѣти ихъ заняли какую-нибудь изъ либеральныхъ профессій. Отчасти объясняется это тѣмъ, что они неособенно надѣются на будущность своего промысла или своего имѣнія, отчасти просто изъ предразсудка, будто человѣку, снабженному дипломомъ или титуломъ, все лучше удастся, чѣмъ прочимъ смертнымъ... Если вспомнить общія соціальныя отношенія страны и малокультурность массъ, то будетъ легко понять, что эти молодые люди, которые въ такомъ громадномъ числѣ вынуждены пускаться въ погоню за мѣстами и заработкомъ, будучи неспособными или не желая итти по отцовскимъ жизненнымъ дорогамъ, сначала быстро продаютъ маленькое наслѣдство, если оно было, а подъ конецъ впадаютъ въ нужду и вынуждаются довольствоваться самымъ жалкимъ уровнемъ существованія“.

Другой авторъ, Олиндо Малагоди ¹⁾, рисуя картину сицилійскаго крестьянскаго возстанія, заключаетъ такъ:

„Мы видѣли, что всѣ главы агитаціи были доктора, адвокаты, профессора — словомъ, представители того класса, который можно охарактеризовать удачнымъ выраженіемъ Адама Смита: „кліентела буржуазіи“. Ужасный экономическій кризисъ, переживаемый теперь Италіей, поразилъ ихъ сильнѣе, чѣмъ кого-либо. Наши университеты ежегодно выбрасываютъ изъ своихъ стѣнъ огромный контингентъ безработныхъ и деклассированныхъ... Наша индустрія, наша рахитическая коммерція ихъ болѣе не поглощаетъ... Итальянская буржуазія, потрясенная кризисомъ, въ концѣ концовъ, не въ состояніи поддерживать свои собственныя креатуры, и они, деклассированные элементы современнаго общества, находясь безъ работы и предрасположенные, такимъ образомъ, къ революціи, подпадаютъ подъ вліяніе социалистическихъ идей, и, дезертируя изъ рядовъ буржуазнаго класса, устремляются къ пролетаріату и пробуютъ его поднять“.

Нѣкоторыя аналогіи съ Россіей напрашиваются здѣсь сами собою. Многимъ, вѣроятно, памятна та травля на интеллигенцію, которая была начата въ 80-хъ годахъ реакціонной прессой, особенно послѣ 1-го марта. Поднялись крики объ опасности, которой угрожаетъ государству обнаружившееся препроизводство интеллигенціи, чрезмѣрное количество недоучившихся, или хотя и доучившихся, но необезпеченныхъ въ матери-

1) „La révolution prolétarienne en Sicile“.

альному отношеніи молодыхъ людей, которые-де и составляютъ кадры всевозможныхъ «нигилистическихъ, социалистическихъ и террористическихъ шаекъ». Памятны проекты о сокращеніи числа университетовъ, о допущеніи въ учебныя заведенія лишь дѣтей благородныхъ и богатыхъ родителей, и тому подобныя, порою еще болѣе нелѣпыя и утопическія планы вырвать зло (т. е. интеллигенцію) съ корнемъ. Утопическія—потому что и самому государству и насажденному имъ капитализму, и среднимъ классамъ вообще необходимы дешевыя интеллигентные работники. А дешевы интеллигентные работники только тогда, когда ихъ много, когда предложеніе интеллигентнаго труда превышаетъ спросъ, когда конкуренція между ищущими работы велика. При всей ненависти къ интеллигенціи, какъ политической силѣ, правящіе верхи сами вынуждены создавать и возвращать тотъ классъ людей, который составляетъ главный контингентъ революціоннаго «мыслящаго пролетаріата» — образованныхъ разночинцевъ. И этотъ классъ, не взирая на періодически возобновляющуюся реакціонную травлю, все растетъ и растетъ, усиливаясь и усиливаясь. И этотъ классъ не можетъ не видѣть, что въ то самое время, когда многіе его сочлены сидятъ безъ работы, когда на ихъ трудъ нѣтъ спроса, въ то же самое время соответственныя потребности массы населенія остаются неудовлетворенными. Они прекрасно понимаютъ, что будь большинство трудящагося народа хоть немножко побогаче, хоть немножко просвѣщеннѣе и культурнѣе—какое моментально получилось бы увеличеніе спроса на трудъ учителей, докторовъ, адвокатовъ и т. под.! Собственный кровный интересъ толкаетъ ихъ къ народу и ставитъ въ антагонизмъ съ паразитическими элементами общества, истощающими народный организмъ. Въ настоящее время эти разночинные элементы въ особенности группируются вокругъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. На эти органы правительство свалило значительную долю хло-

потъ какъ разъ по удовлетворенію настоятельнѣйшихъ потребностей населенія: народная медицина, школьное дѣло, дорожное дѣло, продовольствіе и т. п. Если прибавить сюда всевозможныя оцѣночныя и статистическія работы, необходимыя для мало-мальски раціональной постановки важнѣйшихъ функцій земства, то станетъ ясно, что засѣдающіе въ управахъ помѣщики нуждаются въ цѣлой массѣ работниковъ со спеціальной подготовкой и съ такими незначительными потребностями, чтобы удовлетворяться скромнымъ земскимъ жалованьемъ. При невозможности для земскихъ «кадыковъ» сколько-нибудь серьезнаго контроля надъ всѣми сторонами этой дѣятельности пріобрѣтаетъ особенное значеніе добросовѣстность служащихъ. И не вина почтенныхъ земскихъ дѣятелей или «отцовъ города», что всѣмъ этимъ требованіямъ — дешевизна, полная добросовѣстность и широкая подготовка — удовлетворяють люди, 90 проц. которыхъ — «красные». При всемъ нерасположеніи къ послѣднимъ приходится пользоваться ихъ услугами, приходится волей-неволей и подчиняться — по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени — ихъ вліянію. Болѣе высокій умственный уровень и безупречная нравственность — силы, съ которыми нельзя не считаться...

Въ прошломъ году надѣлала много шуму рѣчь самарскаго вице-губернатора, который обратилъ вниманіе земскаго собранія на то, что въ земскихъ дѣлахъ, помимо вліянія «лицъ правительственныхъ и представителей мѣстныхъ обывателей», замѣчается еще «вліяніе третьяго элемента», который

„состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ, теоретическихъ познаній, которыя поднимають и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нерѣдко доставляя торжество отвлеченному принципу надъ практическими данными“.

Его вліяніе не предусмотрено закономъ, считающимъ гарантіей успѣшнаго теченія земскихъ дѣлъ рѣшающую роль только двухъ первыхъ элементовъ; фактически растущее вліяніе еще «третьяго» въ его гла-

захъ является чѣмъ-то чуть-чуть не въ родѣ обхода закона.

„Случается—скорбѣть онъ—что представители сословій, безъ достаточно провѣренныхъ основаній, внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе, какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученіе газетныхъ и журнальныхъ писателей. Внѣшній видъ этихъ словъ заманчивъ, но внутренній—чревать опасностями“.

Представители третьяго элемента лелѣютъ въ умахъ различныя «грезы», которыя, правда, «носятъ лишь фантастическій характеръ», но по отношенію къ которымъ, тѣмъ не менѣе, нельзя забывать, что онѣ—«допустивъ въ основаніи политическія тенденціи»—могутъ имѣть «вредную сторону»...

И этотъ «третій элементъ», конечно, сидитъ не въ одномъ только земствѣ, гдѣ онъ почему-то особенно бросился въ глаза самарскому «недремлющему оку». Онъ всѣдѣ. Образованный разночинецъ, работникъ всѣхъ видовъ интеллигентныхъ ремеселъ выросъ въ обширный общественный слой, сильный своей умственной и нравственной энергіей, впечатлительностью, подвижностью, инициативой,—цѣлымъ рядомъ качествъ, какъ нельзя болѣе подходящихъ для роли «революціонной бациллы». Пора это высказать ясно и отчетливо. Нельзя закрывать глаза на дѣйствительность, подъ тѣмъ предлогомъ, что интеллигенція не представляетъ собою чего-то цѣлаго, ибо, дескать, всякій классъ имѣетъ свою интеллигенцію. Конечно, интеллигенція состоитъ не сплошь изъ социалистовъ и революціонеровъ, но развѣ хотя бы индустріальный пролетаріатъ состоитъ сплошь изъ таковыхъ? Въ каждомъ классѣ есть своя дифференцировка, свои верхи и низы, тянущіе въ разныя стороны. Въ связи какъ съ этимъ, такъ и съ другими причинами каждый классъ даетъ партизановъ разнымъ партіямъ, разнымъ теченіямъ жизни. Интеллигентные разночинцы остаются во всякомъ случаѣ своеобразной соціальной единицей, несомнѣнной общественной силой, настроеніе которой не случайная, а вполне опредѣленная

величина,—это тоже гиря на чашкѣ вѣсовъ, съ которой необходимо считаться. Мы этого дѣлать не хотѣли, боясь «самобытничества», такъ какъ де въ тѣхъ странахъ Западной Европы, на которыхъ концентрировалось наше вниманіе, мы не подмѣчали аналогичныхъ явленій...

Но мы теперь видимъ, что и въ «Европѣ» тоже имѣются страны, гдѣ «интеллигенція» играла очень и очень видную роль. Такова хотя бы Италия. Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить, что слово «интеллигенція» можетъ быть понимаемо не только въ смыслѣ особой экономической категоріи (труженики интеллигентныхъ ремеслъ, представители специально умственного труда), а и въ смыслѣ категоріи идеологической, какъ сознательнѣйшая, наиболѣе развитая умственно и нравственно часть націи. Оба эти понятія часто смѣшиваются въ виду того, что они охватываютъ отчасти (но не вполнѣ) совпадающія явленія жизни. Наибольшій контингентъ «интеллигенціи» во второмъ смыслѣ слова прежде всего доставляется «интеллигенціей» въ первомъ смыслѣ. Но къ ней быстро присоединяется не только цвѣтъ трудящихся классовъ, а и люди другого рода,—отщепенцы буржуазныхъ слоевъ общества, силою ума и чувства поднявшіеся надъ своимъ классовымъ положеніемъ, надъ обычными интересами, аппетитами и предразсудками своего класса.

Любопытенъ съ этой точки зрѣнія смотръ, который производитъ инициаторамъ и руководителямъ крестьянско-рабочаго сицилійскаго революціоннаго движенія Олиндо Малагоди.

«Боско—молодой чиновникъ изъ Палермо, служившій конторщикомъ въ торговомъ домѣ; Де Феличе—бывшій чиновникъ префектуры; Барбато—докторъ изъ Piano dei Greci; Монтальто—адвокатъ. Предсѣдатель fascio (союза) въ Кампобелло былъ адвокатъ Антонино Скутиери; въ Сомматино — Калоджеро — бывший коммунальный секретарь Грасси; въ Кастельтермини—школьный учитель Джузеппе Бивона. Въ fasci принимали участіе не только крестьяне и рабочіе, но и много разныхъ служащихъ, студентовъ и даже чиновниковъ, состоящихъ на государственной и общественной службѣ. Извѣстно, на примѣръ, какъ одинъ мировой

судья систематически совѣтовалъ рабочимъ — конечно, подѣ секретомъ — записываться въ fasci. Другой членъ магистратуры, имѣвшій собственное состояніе, вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя дѣлу пропаганды. Прибавимъ къ этому, что въ то же время въ сицилійскихъ университетахъ многіе профессора проповѣдывали социализмъ съ высоты кафедръ. Медицинскій факультетъ въ Палермо былъ цѣликомъ социалистическимъ...

«Но этого еще мало. Знаменательно другое явленіе. Среди вожаковъ сицилійскаго движенія слѣдуетъ отмѣтить — благодаря своей численности, они имѣютъ важное значеніе — богатыхъ собственниковъ. Такъ, въ Каникатти президентомъ fascio былъ богатѣйшій собственникъ Гаэтано Рава, пожертвовавшій свое состояніе для социалистическаго дѣла. Въ Кастельтермини проявлялъ всѣ свои симпатіи дѣлу другой богатый собственникъ, сынъ сенатора Франческо Перецъ Ло-Буэ. Среди наиболѣе активныхъ молодыхъ дѣятелей, которые, между прочимъ, больше всего помогали партіи и своими денежными средствами, былъ молодой баронъ Кольнаго, князь де-Бочина, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ членовъ сицилійской феодальной аристократіи и мн. другіе *).

При этомъ такъ и вспоминается наше хожденіе въ народъ, гдѣ тоже нз ряду съ разночинцами беззавѣтно отдавались дѣлу и «кающіеся дворяне» — мировые судьи, богатые помѣщики, генеральскія и сенаторскія дѣти, офицеры арміи и флота, и т. п., и т. п. И къ нимъ вполне примѣнимы слова, которыя даже такой правовѣрный марксистъ, какъ Малагоди, говоритъ объ итальянскихъ «интеллигентахъ»:

«Среди этихъ юныхъ пропагандистовъ социалистическихъ идей, конечно, были прекрасные типы, — образованные, истинные рыцари гуманности».

Плоха же будетъ та политическая программа, которая не оцѣнитъ должнымъ образомъ этихъ жизненныхъ фактовъ.

*
* *

Намъ осталось разсмотрѣть исторію отношеній меж-

*) Ср. также Росси «Die Bewegung in Sizilien». О томъ же свидѣтельствуеъ и Колайани: «слѣдуетъ замѣтить, что немало организаторовъ союзовъ принадлежатъ къ буржуазному классу; нѣкоторые очень состоятельны (agitrissini), какъ Баллерини; кое-какіе, чрезвычайно богатые принадлежатъ къ высшей аристократіи, какъ маркизь Діо-Монтэмаджіоре и князь ди-Куро» («In Sicilia», 18).

ду итальянской революціонной интеллигенціей и городскимъ рабочимъ движеніемъ.

Современная соціалистическая партія въ Италіи произошла изъ сліянія двухъ отдѣльно возникшихъ партій. Одна изъ нихъ была независимой партіей самихъ рабочихъ, другая — соціалистической партіей, составленной изъ образованныхъ людей, отщепенцевъ привилегированныхъ классовъ.

Что касается первой, то вотъ что рассказываетъ о ней Джіовани Лерда.

„Эта рабочая партія, которая въ короткій срокъ много разъ мѣняла и свое имя, и свою программу, имѣла весьма существенное значеніе. Она устраивала организаціи среди рабочихъ различныхъ верхне-итальянскихъ городовъ, поощряла къ образованію рабочихъ союзовъ и существенно работала надъ ихъ укрѣпленіемъ, организовывала стачки и занималась многими вопросами чисто практическаго характера, надъ которыми никогда не задумывался соціалистъ-доктринеръ“.

Такими яркими красками описываетъ Лерда достоинства этой партіи. Но у него же мы встрѣчаемъ въ высшей степени осторожныя и сдержанныя указанія и на другую сторону медали. Оказывается, что программа этой рабочей партіи

„при своей неполнотѣ и неясности, имѣла ясно выраженный практическій характеръ, требуя непосредственныхъ, злободневныхъ реформъ въ пользу рабочаго населенія и выставляя основное положеніе — поддерживать при политическихъ выборахъ только такихъ кандидатовъ, которые сами принадлежатъ къ рабочему классу“.

Такимъ образомъ, достаточно ясно, что это движеніе носило узко практическій характеръ, подобно старому англійскому тредъ-юніонизму; что экономическая организація и стачкизмъ были его главными орудіями: что оно характеризовалось извѣстной профессионально-рабочей исключительностью... Мы видимъ, что Лерда, упрекавшій соціалистовъ-интеллигентовъ въ «академичности» и даже какомъ-то «диллетантизмѣ», несмотря на признаніе за ними «подвиговъ самоотверженія и дѣйственной энергіи», — что этотъ самый Лерда далеко

не такъ строго относится къ независимой партіи... Тѣмъ цѣннѣе однако въ нашихъ глазахъ всѣ его признанія, которыя заставляютъ считать недостаточно безпристрастнымъ его отношеніе къ двумъ этимъ элементамъ итальянскаго движенія. Оказывается, между прочимъ, что и социализмъ этой рабочей партіи былъ весьма проблематичнымъ.

„Съ многихъ сторонъ—продолжаетъ Лерда—эта рабочая партія представлялась какъ реакція противъ чисто теоретическаго направленія первыхъ социалистическихъ пропагандистовъ. Въ дѣйствительности она была не что иное, какъ естественное выраженіе измѣнившихся экономическихъ условій страны, и произошла почти что независимо отъ вывезенныхъ изъ-за границы социалистическихъ идей. Конечно, нѣкоторые неясно сформулированные въ ея программѣ принципы можно разсматривать, какъ отраженіе доктринъ, распространявшихся въ массѣ социалистами*); однако несомнѣнно, что, въ концѣ концовъ, рабочая партія не была ни социалистической, ни даже дѣтищемъ социализма. Она была просто живымъ выраженіемъ хозяйственнаго гнета, который день ото дня становился въ Италіи невыносимѣе. Она поступала въ тѣсномъ смыслѣ слова сообразно марксовскому афоризму: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“ и держалась замкнуто, отстраняясь отъ всякаго общенія какъ съ цѣлыми партіями, такъ и съ отдѣльными лицами, если они не принадлежали къ рабочему классу...”

Невольно и здѣсь приходятъ на память аналогичныя явленія изъ русской дѣйствительности...

„Осенью 1899 года—читаемъ мы, напримѣръ, въ брошюрѣ о „рабочемъ дѣлѣ въ Харьковѣ“—создалась совершенно особая независимая рабочая организація... Особенность этой организаціи—ея отрицательное отношеніе къ интеллигенціи, отведеніе ей чисто служебной роли („ваше дѣло—доставлять литературу и деньги, дѣло мы сами будемъ дѣлать“, говорили главари—рабочіе этой организаціи)... Кстати сообщимъ, что и до сихъ поръ среди рабочихъ здѣсь имѣются представители подобнаго воззрѣнія на интеллигенцію, осложняющагося и нѣкоторыми другими чертами; въ частности культъ „чисто рабочаго движенія.“ По мнѣнію сторонниковъ этого направленія, необходимо строго различать ра-

*) Кстати сказать, что признаніе не совсѣмъ то вяжется съ приведеннымъ выше утвержденіемъ Лерды, что дѣятельность интеллигентной фракціи социалистовъ была „академической“, „безъ всякаго вліянія на массы“ и т. п.

бочее движеніе отъ революціоннаго; послѣднее будто бы не имѣеть ничего общаго съ первымъ и есть дѣло одной интеллигенціи.“

И это не единичное и не чисто мѣстное явленіе. Пишущему эти строки приходилось столкнуться съ еще болѣе рѣзкой формулировкой этого взгляда устами одного петербургскаго рабочаго-механика: послѣдній говорилъ, что

„въ Россіи есть двѣ разныхъ (sic) социалистическихъ партій: одна—это рабочіе: они хотятъ свое положеніе улучшить; другая—это студенты (!); они хотятъ правительство свергнуть долой.

Не въ томъ же ли самомъ Петербургѣ нѣсколько энергичныхъ рабочихъ организовали въ 1899 г. «Группу самоосвобожденія рабочаго класса», которая въ своемъ воззваніи проповѣдывала организацію «на почвѣ повседневныхъ, реальныхъ интересовъ рабочаго, на почвѣ борьбы за условія его существованія и труда»? Воззваніе говорило также, что «интеллигенція по старой памяти слишкомъ самообольщается на счетъ своего значенія», «считаетъ себя какой-то особенной силой», представляетъ какой-то «ареопагъ, въ который меньше всего допускаются какъ разъ тѣ, чьи интересы берется защищать этотъ трогательный союзъ интеллигентовъ», тогда какъ въ немъ — въ этомъ «ареопагѣ» — на ряду съ истиннымъ идеологомъ рабочаго класса сплошь и рядомъ встрѣчается и «пылкій революціонеръ, величающій себя лишь по недоразумѣнію идеологомъ пролетаріата»... Отсюда и необходимость для рабочихъ «взять свое дѣло въ свои собственные руки», «выступить новой, самостоятельной группой самоосвобожденія рабочаго класса»... Наконецъ, отмѣтимъ еще, что въ социалъдемократической литературѣ самаго послѣдняго времени встрѣчаются указанія еще на т. н. «иваново-вознесенское или мыслительское направленіе», въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ будто бы аналогичное выше охарактеризованному направленію среди рабочихъ; въ «Искрѣ» сообщалось о собраніяхъ рабочихъ въ Саратовѣ, при чемъ «интеллигенція не приглашалась», ибо «въ этомъ нѣтъ ника-

кой надобности, интеллигенція вообще не должна мѣшаться въ рабочія дѣла». «Искра» утверждаетъ, что среди мѣстныхъ рабочихъ прїѣзжими петербургскими рабочими ^{въ} проповѣдуется «отрицаніе необходимости борьбы за политическую свободу, значенія интеллигенціи для рабочаго движенія и проч.»

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ же узкимъ, насквозь проникнутымъ цеховымъ, профессиональнымъ душкомъ движеніемъ, какъ то было и въ Италіи. Мы знаемъ, что повсюду нѣкоторая склонность къ такого рода узкой практичности и профессиональной замкнутости замѣчалась среди рабочей аристократіи, среди лучше оплачиваемой, квалифицированной части рабочихъ. И — что особенно интересно — цеховая исключительность этихъ «избранниковъ пролетаріата» только однимъ своимъ остріемъ направлена вверхъ, въ сторону интеллигенціи, другимъ же — внизъ, въ сторону необученныхъ рабочихъ и въ особенности крестьянъ. Такъ, Н. Колайани, между прочимъ, пишетъ:

„Наши рабочіе — городскіе и индустріальные — какъ уже это было замѣчено проф. Нитти въ „Revue d'economie politique“ III. Жида, не только малочисленны, но и составляютъ до настоящаго времени аристократію труда, которая съ пренебреженіемъ относится къ громадной массѣ крестьянъ“.

Нѣчто подобное — увы! — встрѣчается въ иныхъ рабочихъ кругахъ и у насъ. Отсылаемъ читателей къ изданнымъ «Рабочимъ Дѣломъ» брошюрамъ «Положеніе тверскихъ рабочихъ» и «Чему насъ учить Никольская стачка». Тамъ вы увидите, что съ одной стороны, стоятъ постоянные квалифицированные фабричные рабочіе, съ высокимъ уровнемъ потребностей («штилеты, пальто, калоши, носовые платки, часы, мѣховое зимнее платье — часто по послѣдней модѣ»), съ другой стороны, простые ткачи, перекочевавшіе, что называется, прямо изъ-подъ сохи да подъ ружье, лѣтомъ часто возвращающіеся въ деревню и привыкшіе къ минимуму потребностей («лапти, грубыя лох-

мотья вмѣсто одежды, пустые щи» и т. под.). И вотъ первые глядятъ на послѣднихъ свысока, зовутъ «деревенщиной», «зимовалами», «сѣрыми» или просто «лаптями»; послѣдніе же «считаютъ первыхъ, очевидно, зазнавшимися»...

Возникаетъ вопросъ, какую же тактику усвоила себѣ социалистическая партія въ Италіи (состоявшая, какъ мы видѣли, изъ интеллигенціи) къ этому узкому экономическому теченію? Какія сложились отношенія между двумя этими общественными силами? Каковъ былъ результатъ ихъ столкновенія на одной и той же исторической аренѣ, и какую роль сыграла при этомъ революціонно-социалистическая интеллигенція?

Какъ свидѣтельствуетъ Лерда, оказалось вотъ что: независимая рабочая партія

„зародилась съ ограниченнѣмъ пониманіемъ причинъ и основаній хозяйственнаго гнета, съ туманнымъ и неопредѣленнымъ критеріемъ для предстоящей дѣятельности и насчитывала въ своихъ рядахъ слишкомъ мало независимыхъ и образованныхъ элементовъ, чтобы органически развиваться въ полнотѣ силъ, какъ это необходимо для достиженія достаточнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Было естественно и логично, что прежде всего со стороны социалистовъ была сдѣлана попытка къ сближенію... Они пытались привлечь къ себѣ рабочую партію, чтобы образовать вмѣстѣ съ ней *единую* партію... Это была долгая и нелегкая работа, которая, наконецъ, была приведена къ концу усиліями нашихъ интеллигентнѣйшихъ товарищей“.

Именно, на Мантуанскомъ объединительномъ конгрессѣ (1886 г.) было положено начало сближенію, а на Генуэзскомъ (1892 г.) дѣло завершилось образованіемъ единой «итальянской социалистической партіи» (*partito socialista italiano*).

„Съ этихъ поръ и корпоративно-профессіональное рабочее движеніе освободилось отъ того узкаго, мелочнаго духа, которымъ раньше характеризовалось. Хотя, съ одной стороны, при извѣстныхъ условіяхъ — именно, предполагая достаточную широту и глубину руководящихъ взглядовъ — корпоративизмъ можетъ приносить чрезвычайно большую пользу экономическому развитію рабочаго класса, зато обычно онъ можетъ вырождаться — и, дѣйствительно, вырождается — въ борьбу исключительно за про-

фессіональные интересы, которая ослабляет и разрушает то чувство солидарности, которое должно объединять всѣхъ работниковъ безъ различія“.

Это объединеніе тоже весьма поучительный примѣръ для русскихъ революціонеровъ. И ему не мѣшало бы послѣдовать. А что же мы вмѣсто этого видимъ? У насъ въ средѣ самихъ интеллигентовъ-соціалистовъ то и дѣло прорываются теченія, приспособляющіяся къ узкому экономизму, поддерживающія его во всемъ, даже въ недовѣрчивомъ отношеніи ко всему, идущему отъ интеллигенціи. За послѣдніе годы фактовъ этого рода накопилась тьма. Вотъ вамъ «Рабочая мысль» съ ея замалчиваніемъ соціализма и политической свободы и съ самыми нетактичными выходками противъ интеллигенціи. Вотъ соціалъдемократическая брошюра, въ которой интеллигентъ—ссылный революціонеръ—посрамляется рабочимъ, предъявляющимъ ему «мозолистыя руки» и «съ убійственной проніей» произносящій своеобразное обвиненіе: «эхъ, вы, интеллигенція!» Вотъ прокламація покойнаго Центральнаго Комитета Московскаго Рабочаго Союза, выступающая противъ студенческаго движенія на томъ основаніи, что оно имѣетъ «неклассовый» характеръ, и рекомендующая студентамъ «разъединеніе вмѣсто объединенія» (1896 г.). Вотъ прокламація кіевскихъ соціалъ-демократовъ, умоляющая сознательныхъ рабочихъ предотвратить участіе ихъ товарищей въ демонстраціи по поводу трагической кончины Вѣтровой, демонстраціи организуемой соціалистами-революціонерами: въ противовѣсъ этому прокламація приглашаетъ призывать рабочую массу на *экономическую* борьбу (1897 г.). Вотъ позднѣйшая прокламація Кіевскаго Соціалъдемократическаго Комитета, отлучающая рабочихъ, принимавшихъ участіе въ противоправительственной демонстраціи 6-го мая (организованной соціалистами-революціонерами и «Рабочей Волей») «отъ братской семьи рабочихъ всего міра» ¹⁾. Вотъ странная «ошибка», вслѣдствіе которой

¹⁾ Противъ столь нетактичнаго акта сочла необходимымъ рѣшительно высказаться и газета „Искра“ (№ 5 стр. 4).

изъ написанной *самими рабочими* прокламаціи исчезаютъ всѣ политическія требованія, послѣ того, какъ она побывала въ соціалъдемократической типографіи¹⁾. Вотъ цѣлый рядъ первомайскихъ прокламацій различныхъ «комитетовъ» съ требованіями свободы *рабочихъ* союзовъ и кассъ, суда присяжныхъ *по дѣламъ о стачкахъ* и т. п. Еще понятно, когда стихійно возникшее среди самихъ рабочихъ движеніе запечатлѣно на первыхъ порахъ узостью и односторонностью; но когда интеллигентные руководители движенія, богатые знакомствомъ съ опытомъ Западной Европы, вмѣсто того, чтобы расширять характеръ движенія, сами его суживаютъ, эта тактика должна подвергнуться рѣшительному осужденію.

Конечно, въ Германіи экономическая организація и экономическая борьба, которыя одно время были оттѣснены на задній планъ разгаромъ политической работы, теперь вновь протискиваются впередъ. Конечно, громадное значеніе чисто экономическихъ организацій доказано и бельгійскимъ и англійскимъ рабочимъ движеніемъ. Но нельзя же забывать своеобразие хозяйственныхъ условій этихъ странъ. Стачное, профессиональное, вообще чисто экономическое движеніе всегда оказывалось тѣмъ болѣе продуктивнымъ, чѣмъ болѣе цвѣтущимъ былъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время національный капитализмъ. Именно въ Англіи и притомъ въ эпоху гигантскаго расцвѣта ея власти на рынкахъ оказывались наиболѣе уступчивыми и покладистыми фабриканты: отсюда и узкая практичность, и «благоразумный эгоизмъ» англійскихъ тредъ-юніоновъ. И если теперь та же прѣсная «трезвенная» нота зазвенѣла въ рѣчахъ теоретиковъ и практиковъ бернштейніанства,

¹⁾ Указаніе на это см. въ „Рабочемъ Дѣлѣ“ и «Yademecum»'ѣ Г. Плеханова.

то матеріальною подкладкою этого явленія служить опять-таки необычный (до кризиса послѣдняго времени) подъемъ германской промышленности, мѣстами съ успѣхомъ выбивающей изъ позицій даже англійскую, не говоря уже о французской. Наоборотъ, экономическая борьба тѣмъ меньше можетъ претендовать на самодовлѣющее значеніе, чѣмъ неблагоприятнѣе въ странѣ соотношеніе отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ капитализма. Даже такой ярый бернштейніанецъ, какъ Ф. О. Герцъ, вынужденъ признать, обрисовавши характерныя черты австрійскаго капитализма, что «здѣсь надо искать причинъ, почему у насъ, конечно, мало видовъ на основаніе «индустріальной демократіи» при помощи сильныхъ профессиональных союзовъ, какъ это представляетъ Бернштейнъ; въ Австріи съ давнихъ поръ центръ тяжести лежитъ на завоеваніи государственной машины». Мы видѣли, что Венгрія въ этомъ отношеніи нимало не отличается отъ Австріи. То же самое находимъ мы и въ Италіи. «Что касается чисто экономической организациі пролетаріата, то легко понять, что она въ Италіи не могла далеко уйти впередъ. Хозяйственныя условія страны, въ которой крупная индустрія мало развита, въ которой сельское хозяйство кое-какъ влачить свое существованіе, на половину разбитое параличемъ, стѣсненное устарѣлыми способами производства и заграничной конкуренціей, — хозяйственныя условія такой страны не позволяютъ создать достаточное организованное сопротивленіе... Капиталистическое хозяйство на нашемъ полуостровѣ все еще находится въ эмбриональномъ состояніи, и поэтому итальянскій пролетаріатъ едва-едва можетъ находить въ той средѣ, въ которой онъ живетъ, необходимыя элементы для систематическаго сопротивленія эксплуатаціи». Что же послѣ этого приходится сказать о Россіи, гдѣ къ тому же правительственный гнетъ еще болѣе затрудняетъ эту борьбу?

Мы уже говорили, что «избранники пролетаріата»

нерѣдко обнаруживаютъ тенденцію замыкаться въ узкіе профессиональные интересы и проявлять цеховую исключительность. Но это только одна сторона медали. Съ другой стороны, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ та же самая лучше поставленная часть рабочаго класса становится лучшимъ и энергичнѣйшимъ авангардомъ движенія. И это тоже понятно. Обладая сравнительно съ другими слоями трудящихся большимъ матеріальнымъ достаткомъ и большимъ досугомъ, обладая, далѣе, извѣстной профессиональной подготовкой, эти элементы выдѣляются изъ рабочей массы также своей интеллигентностью, болѣе подготовлены къ воспріятію отвлеченныхъ идей и теорій, болѣе другихъ способны увлечься и проникнуться широкими, отдаленными перспективами общественной борьбы. Нужно только, чтобы соціально-революціонная пропаганда настойчиво и опредѣленно была въ эту сторону. Тѣ слои трудящагося населенія, которые болѣе обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, именно поэтому и нуждаются въ подчеркиваніи идеологическаго момента, въ широкомъ этическомъ освѣщеніи соціальныхъ проблемъ. Нужно, чтобы въ нихъ сильнѣе заговорила *нравственная* струна, какъ естественный атрибутъ высоко развитою интеллекта. Нѣтъ ничего опаснѣе и самоубійственнѣе для революціоннаго соціализма, какъ бояться отпугнуть отъ себя эти элементы слишкомъ смѣлой и радикальной программой, какъ разбавлять ее водицей и обрабатывать примѣнительно къ духу «умѣренности и аккуратности». Напротивъ, во что бы то ни стало нужно стараться поднять ихъ *выше* ихъ узенькихъ профессиональныхъ интересовъ; нужно пытаться вдохнуть въ нихъ идеалистическій духъ, разжечь въ ихъ груди искру Прометеева огня, пробудить сознание солидарности со всѣмъ «труждающимся и обремененнымъ» народомъ, наполнить ихъ сердца энтузіазмомъ къ общему великому дѣлу освобожденія Россіи отъ гнета абсолютизма, подъ крылышкомъ котораго

такъ тепло и привольно живется всѣмъ паразитическимъ элементамъ, всѣмъ эксплуататорамъ рабочаго класса!

И пусть не говорятъ намъ, что эти требованія суть только «безпочвенное увлеченіе интеллигента», что «съ рабочимъ нужны иныя рѣчи». Это невѣрно. Въ такомъ движеніи, какъ русское — движеніи, путь котораго усѣянъ камнями, терніями и волчицами, когда грядущій день сулитъ много испытаній, а плоды ихъ въ сколько-нибудь широкомъ объемѣ «дано узрѣть лишь дальнему потомству» — въ такомъ движеніи отсутствіе идеалистической струны равносильно ослабленію силы и настойчивости борьбы, равносильно вялости, дряблости, мертвечинѣ... И наиболѣе живые и смѣлые духомъ рабочіе это чувствуютъ. Недаромъ же на страницахъ «Рабочей Мысли» одинъ изъ такихъ рабочихъ въ письмѣ въ редакцію прямо таки *упомя-етъ* интеллигентныхъ рыцарей умеренности и аккуратности:

«Огня больше! жизни больше, а не сухой схоластики! Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его шеѣ, охъ, какъ знаетъ! Надо только, чтобы съ перваго же слова его сердце забилося сильнѣй и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду, и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой не передалъ ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ насилій»... «Дайте проше и яснѣе сказать своему брату горячее слово, чтобы онъ разогнулъ мозолистую руку и смирилъ разгулявшагося паразита-хозяина. Дайте ей создать настроеніе, при которомъ бы глаза рабочаго сверкали огнемъ негодованія въ любой моментъ появленія предъ нимъ разныхъ мерзавцевъ, а не туманились робкой покорностью человѣка, привыкшаго видѣть во всякой сволочи своего покровителя...»

Вотъ они, золотыя слова! Впрочемъ, теперь уже многіе соціаль-демократы начинаютъ сознавать, что нашему движенію въ его теперешнемъ видѣ сильно недостаетъ размаха, энтузіазма, темперамента. Итальянцевъ, быть можетъ, выручаетъ еще и горячая южная кровь, текущая въ ихъ жилахъ и не скованная сѣверными морозами...

Да, намъ есть чему и въ этомъ пунктѣ поучиться

у итальянскихъ социалистовъ! Мы уже видѣли, какъ умѣло устранили они дисгармонію между ближайшими практическими нуждами рабочихъ и отдаленными идеалистическими цѣлями интеллигенціи, какъ победили они давнюю шероховатость отношеній и доставили торжество объединительному принципу. Не менѣе умѣло устранили они и шероховатость во взаимныхъ отношеніяхъ между городскими рабочими и крестьянствомъ.

Итальянскіе социалисты поняли, что, такъ какъ «главнымъ источникомъ производства и богатства Италіи является деревня *)» (Gatti), то отсюда «проистекаетъ важность аграрнаго вопроса передъ всѣми другими формами социальнаго вопроса» (N. Colajani). Вотъ почему, по словамъ того же Колайани,

«наиболѣе интеллигентные социалисты увидѣли необходимость направить свою пропаганду на деревню. Именно этой *перемѣнѣ тактики* слѣдуетъ приписать успѣхи, которые сильно обезпечили правительство».

Еще недавно итальянскіе социалисты съ гордостью указывали на замѣчательные результаты, достигнутые ихъ деревенской пропагандой: во время сильнаго городского стачечнаго движенія крестьяне и мѣщане ближайшихъ мѣстностей закладывали свои дома и поля, чтобы оказать должную поддержку стачечникамъ и не дать хозяевамъ сломить ихъ сопротивленіе! Въ лѣтописяхъ современнаго социалистическаго движенія найдется не много такихъ поистинѣ трогательныхъ явленій, какъ этотъ поступокъ людей, относимыхъ, согласно обычной марксистской классификаціи, въ разрядъ «мелкой буржуазіи»...

Но самая эта классификація въ рукахъ итальянскихъ социалистовъ должна подвергнуться существенной перестройкѣ. Толкованіе, согласно которому всѣ, не

*) Значеніе земледѣлія и деревни въ хозяйственномъ организмѣ Италіи превосходно выяснено въ книгѣ Gerolamo Gatti «Agricoltura e Socialismo» (Milano Palermo, 1900) изъ которой мы и беремъ эту цитату.

принадлежащіє къ пролетаріату, тѣмъ самымъ принадлежатъ къ буржуазіи, теряетъ кредитъ. Сами пролетаріи разсматриваются лишь какъ часть трудящагося класса, т. е. людей, источникомъ существованія которыхъ является *трудъ*, какъ политикоэкономическая категорія, независимо отъ того, утратили они свою хозяйственную самостоятельность или нѣтъ.

Только что, какъ сообщаетъ «Vorwaerts» (№ 281, отъ 1 дек. 1901), закончился въ Болоньѣ конгрессъ итальянскихъ сельскихъ работниковъ, объединенныхъ въ національную федерацію и примкнувшихъ къ социализму*). Предсѣдателемъ конгресса былъ социалистъ Андреа Коста, въ числѣ видныхъ участниковъ—Энрико Ферри и Турати. На конгрессѣ было представлено почти 150000 организованныхъ сельскихъ работниковъ: поденщиковъ, половниковъ, мелкихъ крестьянъ—какъ арендаторовъ, такъ и землевладѣльцевъ. Конгрессъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что несмотря на очевидныя различія, раздѣляющія земледѣльческихъ работниковъ—трудящихся за плату, трудящихся изъ доли урожая, мелкихъ арендаторовъ и мелкихъ крестьянъ-собственниковъ—всѣ земледѣльческіе работники подвергаются одинаковой эксплуатаціи какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны государства;

„Принимая во вниманіе, что только дѣятельность всѣхъ эксплуатируемыхъ, основанная на гуманистическомъ и цивилизующемъ принципѣ солидарности, можетъ обезпечить дѣлу моральнаго, политическаго и хозяйственнаго освобожденія трудящагося класса достаточную силу и вѣсь,—

„Конгрессъ сельскихъ работниковъ высказывается за необходимость объединить въ одномъ національномъ союзѣ всѣ кооперативныя и профессиональныя товарищества: именно, организаціи тѣхъ работниковъ, которыя охватываютъ на основѣ классовой борьбы совокупность слѣдующихъ трудящихся классовъ: сельскихъ батраковъ и чернорабочихъ, издольщиковъ, мелкихъ арен-

*) Вначалѣ принимавшіе участіе въ организаціи конгресса республиканцы не социалисты улалились послѣ того, какъ конгрессъ почти единогласно принялъ предложеніе Рэина, согласно которому въ союзѣ могли принимать участіе организаціи лишь тѣхъ мелкихъ собственниковъ, которые видятъ свою конечную цѣль въ социализаціи земли.

даторовъ и крестьянъ, если послѣдніе самолично обрабатываютъ свою собственную или арендованную землю“.

Таково было важнѣйшее рѣшеніе этого конгресса, послѣ котораго вожакъ итальянской социалистической партіи, Филиппо Турати, выразилъ надежду, что вступленіе въ социалистическую партію сельскихъ работниковъ обозначаетъ обновленіе социализма (*«eine Neubelebung des Sozialismus»*).

Конечно, не сразу итальянскіе социалисты рѣшились занять такую позицію въ аграрномъ вопросѣ. Новымъ взглядамъ приходилось пробиваться сквозь плотный слой теоретическихъ предразсудковъ. Впервые, что называется, «взломала ледъ» сицилійская аграрная революція. Историческое значеніе ея поэтому чрезвычайно важно. «Современное рабочее движеніе—пишетъ Малагоди—было до сихъ поръ почти исключительно дѣломъ индустріальнаго населенія; движеніе въ Сициціи выдвигаетъ на арену сельское населеніе и бросаетъ, такимъ образомъ, новую гирию на вѣсы социальнаго вопроса. Это движеніе, быть можетъ, является для земледѣльческаго движенія тѣмъ же самымъ, чѣмъ явилась Парижская коммуна—для индустріальнаго». И вотъ, столь важное событіе однако же застигло при своемъ зарожденіи врасплохъ, можно сказать, всю организованную итальянскую социаль-демократію. Тотъ же самый Малагоди рассказываетъ объ этомъ чрезвычайно поучительно... и въ то же время немножко наивно. Дѣло какъ разъ происходило на Генуэзскомъ конгрессѣ 1892 г., во время сліянія въ одну партію социально-революционной интеллигенціи и организованныхъ для экономической борьбы рабочихъ. Присутствовавшіе на конгрессѣ были, впрочемъ, довольно немногочисленны, и почти всѣ представляли собою индустріальные центры наиболѣе богатыхъ промышленныхъ провинцій: Эмиліи и Ломбардіи. Надо полагать, что всѣ глядѣли на крестьянство, еще не обратившееся въ пролетаріатъ, какъ на безнадежно отсталую консервативную массу. И вотъ, къ нимъ вдругъ

„пришло извѣстіе о неожиданномъ прибытіи нѣсколькихъ сицилійцевъ для присутствія на конгрессѣ. Это были два молодыхъ человека—Гарибальди Боско и баронъ Кольнаго. Интеллигентные и симпатичные люди, они сразу сошлись со старыми социалистами. Они выдѣлялись на конгрессѣ, были замѣчены, говорили о тѣхъ fasci, которые имъ удалось организовать и которые уже насчитывали нѣсколько тысячъ членовъ; сообщая объ этомъ, они возвышали о наступленіи колоссальнаго социалистическаго движенія. Слушая ихъ, мы, отлично знающіе, какихъ усилій намъ стоило подвинуть социалистическое движеніе среди самаго передового пролетаріата Верхней Италіи,—мы улыбались, думая о легендарной силѣ воображенія южанъ»...

Здѣсь поражаетъ, конечно, не то, что двое юношей-социалистовъ, быть можетъ, дѣйствительно преувеличивали—впрочемъ, какъ оказалось, не *размѣръ* сицилійскаго движенія, а только его шансы на удачу, его прочность и т. п. Здѣсь гораздо характернѣе настроеніе старыхъ, испытанныхъ дѣятелей, не ожидавшихъ ничего подобнаго тому, что имъ рассказывали, и потому вынужденныхъ, подобно Малагоди, сознаться:

«однако нѣсколько мѣсяцевъ спустя, явились факты, которые подтверждали то, что говорили намъ два молодые социалиста»...

Такъ мало вѣрили они въ воспріимчивость крестьянства или въ способность интеллигенціи поднять его, или въ то и другое вмѣстѣ, что сочли смѣшной тарасконадой предсказаніе событій, которые

«быть можетъ, являются для сельскаго населенія тѣмъ же, чѣмъ Парижская коммуна была для городского...»

Отсюда новый урокъ—не такъ слѣпо вѣрить въ кабинетныя доктрины, прислушиваться ежеминутно къ біенію пульса текущей жязни и чутко отзываться на всѣ зарождающіеся въ ней новые запросы, новыя потребности. Только при этомъ условіи возможна широкая, разносторонняя, энергичная, жизненная социально-революціонная партія! Только при этомъ условіи она можетъ итти не въ хвостѣ событій, а впереди ихъ, только при этомъ условіи она будетъ движущимъ, динамическимъ, творческимъ факторомъ современности!

*
* * *

Мы разсмотрѣли наиболѣе существенныя для насъ особенности итальянскаго и венгерскаго социалистическаго движенія. Перевѣсь земледѣлія надъ индустріей, неблагопріятное соотношеніе между свѣтлыми и темными сторонами капитализма, реакціонность буржуазіи, необходимость подчиненія экономической борьбы борьбѣ политической, крупная роль революціонной интеллигенціи, недостаточность одной пропаганды среди индустріальнаго пролетаріата, возможность и плодотворность попытокъ вовлечь въ движеніе и крестьянство, гармоническое соединеніе подъ общимъ знаменемъ трехъ элементовъ — работниковъ умственнаго, земледѣльческаго и фабричнаго труда, — образовавшихъ своеобразный тройственный союзъ, обезпечившій безостановочное развитіе социалистическаго движенія, указавшій ему выходъ изъ тупого переулка междуфракціонныхъ распрей и дразгъ и сообщившій ему новую силу и новый размахъ — таковы наиболѣе интересныя особенности общественнаго развитія этихъ странъ. Сходство многихъ чертъ ихъ социальнаго строя съ основными чертами социальнаго строя Россіи бросается въ глаза, и мы старались показать, какъ много поучительнаго именно поэтому представляетъ для насъ социалистическое движеніе Венгріи и Италіи.

Но въ нашей родинѣ мы наталкиваемся еще на одну огромную по своему значенію особенность: существованіе чисто азіатскаго бюрократизма, вооруженнаго однако всѣми техническими средствами европейской культуры... И если лучшее противоядіе противъ многихъ золъ нашей жизни мы можемъ легко найти, учась изъ опыта социалистическихъ партій наиболѣе

близкихъ къ нашей по своему характеру странъ, то противъ этого спеціального зла мы и тамъ не найдемъ спеціальныхъ противоядій. Ихъ мы должны найти въ своемъ собственномъ революціонномъ опытѣ.

Второй библиотекѣ

Отъ редакціи „Второй библіотеки“.

Настоящая статья впервые была опубликована въ февралѣ 1902 г., однако, развиваемыя авторомъ мысли не только не устарѣли, но, напротивъ, жизненность и вѣрность ихъ засвидѣтельствованы всѣмъ господствующимъ ходомъ событій. Конечно, многіе взгляды, съ которыми полемизируетъ авторъ, претерпѣли значительныя измѣненія, тѣмъ не менѣе критика ихъ сохраняетъ свое значеніе и теперь, оттѣняя еще болѣе ту эволюцію, которую непрестанно претерпѣваетъ русская соціаль-демократія въ своей программѣ и тактикѣ.

От редакции "Второй библиотеки"

Второй библиотеке в настоящее время выпала честь издать книгу, посвященную 100-летию со дня рождения великого русского поэта. Книга эта, как и все, что издается в нашей библиотеке, является результатом кропотливой работы наших сотрудников. Мы надеемся, что эта книга будет интересна и полезна для всех любителей русской литературы. Книга посвящена жизни и творчеству великого русского поэта, который оставил после себя огромное наследие. Мы надеемся, что эта книга будет интересна и полезна для всех любителей русской литературы. Книга посвящена жизни и творчеству великого русского поэта, который оставил после себя огромное наследие. Мы надеемся, что эта книга будет интересна и полезна для всех любителей русской литературы.

❖ Вторая библиотека. ❖

№ 6 выходитъ подъ редакціей Ф. Дѣдова, Н. Макси-
мова, С. Нечетнаго и А. Рудина).

№ 1.	С. С. Арнольди (П. Лавровъ). Кому принадле- жить будущее. Изъ рук. 90 г.	Цѣна 30 к.
№ 2.	С. Бахъ. Экономическіе очерки	15 "
№ 3.	Ст. Романъ изъ эпохи 70-хъ год.	50 "
№ 4.	Приговоръ крестьянъ с. Маркова.	1 "
№ 5.	Танъ. Новое крестьянство	25 "
№ 6.	К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ со- ціализма	10 "
№ 7.	А. Рудинъ. Что говорятъ соціаль-демократы деревенской бѣднотѣ	10 "
№ 8.	В. Черновъ. Изъ практики соціалистическаго движенія въ Венгріи и Италіи.	10 "
№ 9.	П. Николаевъ. Личныя воспоминанія о Н. Г. Чернышевск.	15 "
№ 10.	Ф. Р. Кризисъ и безработица (печ.)	— "
№ 11.	Ив. Вольный. За вѣру, царя и отечество. . .	8 "

Готовятся къ печати во II библиотекѣ: Е. Брешков-
ская. Ип. Мышкинъ и архангельскій кружокъ. П. Поли-
вановъ. Алексѣевскій равелинъ. А. Ч. Какъ венгерскіе
крестьяне боролись за свободу. Ф. Энгельсъ. Крестьян-
скій вопросъ во Франціи. Б. Баксъ. Сборникъ статей.
Кальверъ. Рабочій рынокъ. Устиновъ. Классовая про-
летарская борьба. Шмидтъ. Утопическій соціализмъ. Ф.
Пеллутъе. Исторія биржъ труда.

**Въ складѣ книгоиздательства находится
въ продажѣ:**

Луначарскій. — Критическіе и полемическіе этюды.
Цѣна 1 р. 25 к.

❖ ❖ ❖ ❖ ❖

Съ требованіями просятъ обращаться: Москва, Моховая, д. 24,
кв. 15. Книгоиздательство Е. Д. Мякова, «Еолонолъ». Те-
легр. адресъ: Москва, Издатель. — Телеф. № 109.31.

КНИГИ СОЮЗА ИЗДАТЕЛЕЙ С.

1) Вл. Распоповъ.

Бахъ А. Экономическіе очерки. 15 к.

Вандервельде, Э. Идеализмъ въ марксизмѣ, съ пред. Гарденина. 7 к.

2) «Колоколь» (вторая бібліотека).

3) Новое Товарищество.

Закъ, С. Земля и конституція. 30 к.

Ан—скій, С. Крестьянскій вопросъ во Франціи. 10 к.

Черновъ, В. Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категории. 25 к.

Черновъ, В. Монистическій взглядъ въ психологіи и соціологіи. 20 к.

Черненко, Н. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. 80 к.

4) «Молодая Россія».

Шишко, Л. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго социализма. 10 к.

Составляются крестьянскія, рабочія и школьныя бібліотеки.

У с л о в і я.

Выписывающіе на сумму не менѣе 3 р. (просятъ деньги впередъ, можно марками) за пересылку не платятъ.

На заказы до 50 к. присчитывать 10 к. на заказную бандероль.

Земскіе и частныя книжныя магазины пользуются обычной скидкой. При заказахъ на сумму не менѣе 25 р. (въ предѣл. Европ. Россіи) по жел. дор. пересылка принимается за счетъ издательства.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Центральное Бюро Союза издателей С. Р. Москва, Малый Козловскій пер., д. Ермоловой, кв. 2, А. Д. Высоцкому. Телеграфный адр., Москва. Издатель.

С к л а д ы и з д а н і й:

С.-Пб. Книжный магазинъ Соловьевой и Никольской, Троицкая 3.

Одесса. Книжный магазинъ Е. Распоповой, уг. Дерибасовской и Преображенской.

Пенза. Земскій книжный складъ.

Самара. Магазинъ «Дрезденъ» Г. Гиршфельдъ.

Смоленскъ. Контора газеты «Дняпровскій Вѣстникъ».

РЛ1431

В. Чернов

